Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 166 (6052). 18 июня 1934 г., понедельник. ЦЕНА № 10 КОП.

Открытое письмо рабочих, работниц, инженеров и служащих „Красного путиловца" челюскинцам и героям-летчикам.

Дорогие товарищи челюскинцы и летчики-герои Союза!

Добро пожаловать, боевые товарищи и друзья! **Обнимаем** вас и горячо жмем ваши руки, родные наши.

Нет слов, чтобы выразить вам нашу благодарность за то, что вы сделали для нашей страны. Вы показали себя достойными детьми нашей великой родины и прославили ее имя на весь мир.

В эти памятные дни и недели, когда вы вместе со своим вожаком тов. **Шмидтом** сидели в ледяном лагере, мы здесь тревожились за вашу судьбу. Мы жили вами. Рабочие-старики и наши дети подолгу рассматривали карту нашего севера, где вы расположились героическим лагерем на дрейфующих льдах. Мы с волнением отсчитывали километры, отделявшие вас от наших летчиков-героев, которые по зову советского правительства и нашего великого **Сталина** спешили к вам на помощь со всех концов Советского Союза. Мы согревали вас теплотой родной страны, которая о вас заботилась. Мы с гордостью и радостью читали ваши радиограммы. Они для нас звучали, как боевые бюллетени с фронта.

Да, дорогие друзья, у вас там был настоящий фронт—жестокая и беспощадная война со стихией Арктики. Это было, если хотите, испытание: **на что способны советские люди в своей безграничной преданности родной стране и родному правительству; как они будут действовать в условиях настоящего фронта в борьбе с врагами.**

Вы хорошо, вы отлично выдержали испытание. Ваша организованность, непоколебимость, героизм и безграничная любовь к родине, во имя которой вы действовали, еще раз показали, насколько дорога всем нам советская страна, завоеванная кровью рабочих и крестьян. За месяцы вашего ледяного плена мы, и не только мы, еще и еще раз продумывали судьбу нашей страны. Миллионы людей почувствовали как-то по-иному, по-новому, какое великое счастье иметь такую родину, отдавать ей все силы, совершать во имя ее подвиги, бороться за ее славу, любить ее—родную страну Советов.

Ваш героизм в Ледовитом океане, где вы, выполняя задание нашей партии и правительства, прокладывали новые пути, имеющие громадное государственное значение, воскресил перед нами события недавнего прошлого, когда мы на баррикадах, в окопах отвоевали нашу родину у врагов. Мы, краснопутиловцы, особенно рабочие-старики, хорошо помним то время, когда наша прекрасная страна была в плену у кровавых царей, у помещиков и капиталистов. В Ленинграде и его окрестностях сохранилось особенно много памятников, свидетельствующих о былом гнете: роскошные чертоги царей, великолепные дворцы князей, дворян, генералов, расточительные особняки банкиров и капиталистов, которые строились на костях трудового народа, его горем и слезами для господствующих классов, эксплуататоров и грабителей. Все соки нашей плодородной земли высасывали вампиры. Для них светило солнце, для них цвела зелень, для них плескались волны морей.

Вся жизнь была для них, для наших врагов!

Они превратили Россию в тюрьму народов и в каторгу для рабочих и крестьян. Все лучшее, что было в народе, преследовалось. И **Ленин и Сталин** сидели за решеткой.

Мы страдали, что наша страна, там, где мы родились, где жили, находится в плену у грабителей и проходимцев, что она—для чужих, для наших классовых врагов. И мы сделали все, чтобы вырвать власть из рук врагов трудового народа.

Вы знаете, товарищи, что в революционной борьбе, еще до победы Октября, наш завод был опорой большевиков. В Октябре 1917 года в вооруженном восстании питерский и московский пролетариат, трудовой народ, отвоевал свою родину.

В эти дни, когда вы, челюскинцы, расчищали аэродромы на льдине, когда Арктика наполнялась шумом пропеллеров славной советской авиации, мы вспоминали, как путиловские рабочие после октябрьских дней 1917 года днем и ночью лихорадочно готовили бронепоезда для защиты советской власти. Мы вспоминаем и сегодня, в связи с вашим триумфальным приездом в Красную столицу советского государства, героические годы гражданской войны и те тревожные дни, когда над нашим заводом летели снаряды дальнобойных орудий белого генерала Юденича. Мы все, и наши жены и дети, были на ногах. Мы отливали снаряды, готовили пушки, бронепоезда.

Незабываемые великие дни и ночи!

В годы гражданской войны мы кормились восьмушкой хлеба и воблой. Голодные, раздетые, мы били и уничтожали господ, бар, помещиков, капиталистов, белое офицерье и вооруженные лучше, чем мы, иностранные армии интервентов.

Что нами двигало? Любовь к родине, к своей земле, беззаветная преданность революционному делу международного пролетариата. Вечно господствующие классы заставляли трудовой народ участвовать в грабительских войнах, защищать интересы капиталистов и помещиков. Впервые в Октябре мы почувствовали себя хозяевами страны, впервые мы почувствовали свое, родное, любимое, за что и жизнь можно и надо отдать. Мы любили нашу страну и поэтому мы ее отстояли и защитили.

Россия стала матерью для трудящихся всех национальностей. Ее богатства, ее обилие, ее красота, ее города, фабрики, заводы, села, реки, моря, леса, горы, поля, сады, ее небо, ее культура—все это наше. Жизнь для нас! Для нас светит солнце сегодня, для нас оно взойдет и завтра! И пусть кто-нибудь попробует взять у нас что-либо. Его ждет участь бывшего императора России Николая кровавого!

Советский Союз—наше родное детище. Это—страна, где и шуцбундовцы и все угнетенные и оскорбленные капиталистами, фашистской сволочью находят свой кров. Это—страна, которую и Димитров, и Тельман, и Ромэн Роллан называют своей родиной. Советский Союз — отечество трудящихся всего мира.

Наша страна — жемчужина мира и надежда всего человечества. Наш трудовой народ ее сделал такой. Она блестит Магнитогорсками и Днепрогэсами, тракторами и автомобилями, совхозами и колхозами, новой техникой и новой культурой. Мы ее украшаем новой радостной жизнью и счастьем для трудящихся всего мира.

И вы, товарищи, шли по стопам великих героев пролетарской революции и гражданской войны. И ваш подвиг, товарищи челюскинцы и летчики-герои, озаряет облик нашей страны, укрепляет ее силу и мощь. Вы показали замечательные образцы героизма и любви к родине.

Мы вам от души благодарны.

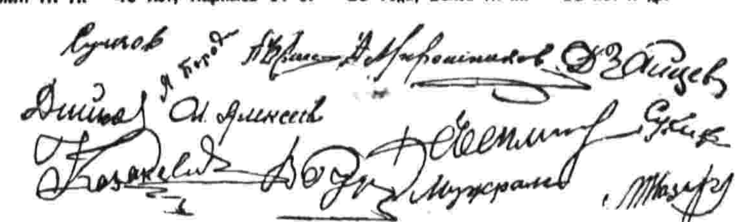
Привет вам, родные, с берегов Невы, от города Ленина, колыбели великой коммунистической партии!

Привет храбрым из железного поколения, воспитанного **Сталиным!**

Привет и троекратное «ура» вам—герои, друзья, товарищи!

От имени рабочих, работниц, инженеров и служащих завода «Красный путиловец»:

Богданов А. И., производственный стаж—53 года, Муриштрам И. К.—30 лет, Сухих С. Н. — 53 года, Дуда И. Н. — 32 года, Корпуснова Н. Н. — 20 лет, Сучков В. С. — 20 лет, Дубинин А. Г. — 40 лет, Гяч Ф. И. — 21 год, Дийко В. С. — 15 лет, Руданов В. Н. — 22 года, Юрисон П. Г. — 35 лет, Борода Я. Н. — 22 года, Назаров М. В. — 37 лет, Зайцев Д. С. — 42 года, Борн Гриша — 7 лет, Алексеев И. А.— 32 года, Казакевич И. Г. — 34 года, Мирошников А. К.— 24 года, Берлин Н. Я.— 40 лет, Каримов У. З. — 23 года, Белов И. М. — 30 лет и др.

ЗАВТРА ЧЕЛЮСКИНЦЫ ПРИЕЗЖАЮТ В МОСКВУ.

СВЕРДЛОВСК, 17 июня. **(Корр. «Правды»).** Лично увидеть лучших героев нашей героической страны, срывающимся от волнения голосом крикнуть им сердечные слова привета, услышать от них, от них самих, рассказы о чудесах, на которые только большевики способны, — с этим спешили к вокзалу и площадям Свердловска взволнованные, радостные толпы людей.

С огромными, даже чудовищно огромными букетами цветов. С подарками. Фабрика-кухня — с тортом, изображающим ледокол «Челюскин». Пионеры — со значками и галстуками для своих любимцев и приятелей **Толи Ляпидевского** и Коли Каманина.

А колхозницы окрестных колхозов попростому — с корзинами чудесных, аппетитных огурцов.

Все это им, им, челюскинцам.

И вот он, вот дымок паровоза. Наконец, портрет Шмидта на паровозе и улыбающийся Водопьянов в окне вагона.

Вот они наконец среди нас, люди, судьба которых так кровно близка и дорога нам. Мы узнаем их, знакомых по делам и портретам в газетах. Вот Слепнев, вот Молоков, вот Доронин. Как мы следили за вашей борьбой со стихией. Как трепетно ждали известий. Бродили глазами по карте. Отмечали флажками победы. Вот Анадырь. Еще, еще немного. И вот теперь вы с нами. Мы рады! Мы счастливы!

Все это хотят сказать, крикнуть люди, сбившиеся у вагонов, на улицах, на площадях, — но все это невозможно сейчас связно сказать, и только хрипло, взволнованно летит «ура». Да цветы, да крики. Кепки в воздухе. Об'ятия. Поцелуи. И опять взволнованное, счастливое «ура».

Челюскинцы подхвачены толпой. Вот они уже на трибуне у вокзала. Вот уже в городе, на главной площади, рассказывают эпизоды ледяной эпопеи.

В их рассказах — все легко и весело. Рассказы **Водопьянова** то и дело прерываются взрывами смеха. И **Воронин**, усмехаясь в рыжие усы, рассказывает, как льды раскололи барак. Тогда это было, конечно, не так весело, как сейчас, но страшного, говорят челюскинцы, и тогда не было.

— Мы знаем свое правительство и свою партию и были уверены: нас с льдины снимут.

Уралмаш встретил челюскинцев торжественной симфонией гудков. Гудки пели на разные голоса, но все одинаково сердечно и гостеприимно. Сколько людей на площади перед заводом! Столько было только в день пуска Уралмаша.

Почти у всех в руках букеты. Это—простые полевые цветы, бережно собранные сегодня за заводом в поле, в лесу, для них, для челюскинцев. Цветами забрасывают героев.

Ляпидевский в красном галстуке поднимает над трибуной самую молодую челюскинку—девочку, родившуюся на ледоколе, и ей устраивается восторженная овация.

Слепнева встречает несмолкающее «ура».

— Лагерь Шмидта,—говорит **Слепнев**,—был в четыре дня взят штурмом советской авиации, но к этому штурму мы готовились 16 лет. Это немыслимо было бы сделать до революции, это нельзя было бы сделать до пятилетки. Вы, рабочие-ударники, дали нам машины и сказали: сделать,—и мы сделали.

Баевский знакомит рабочих Уралмаша с героями-летчиками Дорониным, Галышевым, Пивенштейном, с бортмехаником Петровым.

— Среди нас,—говорит Баевский,—есть челюскинцы и есть летчики, а есть у нас один товарищ, который и челюскинец, и летчик.

— Бабушкин! Бабушкин! — закричала толпа и сердечно встречает появляющегося на трибуне **Бабушкина.**

А на вокзале лучшие машинисты Свердловского депо **Соломенинов** и **Зайков** готовятся в путь.

И, может быть, немного волнуются. Шутка ли сказать, им предстоит везти челюскинцев, людей, вырванных из лап смерти, наших дорогих людей.

Б. ГОРБАТОВ.

СООБЩЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ПРИЕЗДЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ.

Поезд с **челюскинцами, летчиками-героями** Советского Союза и другими участниками спасательной экспедиции прибудет в Москву 19 июня с. г.

На вокзале они будут встречены представителями Правительства и ЦК ВКП(б), Правительственной Комиссией по спасению челюскинцев, представителями МК ВКП(б) и Моссовета, печати и родными.

С вокзала прибывшие немедленно последуют на Красную площадь, где и состоится встреча челюскинцев. В честь их прибытия на Красной площади состоится торжественный митинг и затем демонстрация трудящихся гор. Москвы с участием воинских частей, физкультурников и т. д.

На трибунах—лучшие ударники предприятий, представители научной интеллигенции, инженерно-технических работников, литературы и искусства.

На Красную площадь проходят по своим мандатам члены ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, Центральной Ревизионной Комиссии ЦК ВКП(б) и Комиссий Партийного и Советского Контроля, члены ЦИК СССР и ЦИК'ов Союзных Республик, Совнаркома РСФСР, МК ВКП(б), МГК ВКП(б), Президиумов Моссовета и Мособлисполкома, Ревизионных Комиссий МК ВКП(б) и МГК ВКП(б), Исполкома Коминтерна, ИККИМ'а, Исполбюро Профинтерна и Крестинтерна, Реввоенсовета СССР и Реввоенсовета МВО, Президиумов ВЦСПС, МОСПС и МГСПС и Общества Старых Большевиков.

Остальные проходят по пригласительным билетам.

Пропуск на Красную площадь только через пункты, указанные на пригласительных билетах.

Прекращение пропуска на Красную площадь в 17 ч. 30 м.

Начало митинга на Красной площади в 18 часов.

Правительственная Комиссия по спасению челюскинцев.

Пролетарии Москвы готовятся к встрече героев.

Рабочие заводов и фабрик Красной столицы радостно готовятся к встрече героев арктического похода.

▲ Завод «Фрезер» украшается лозунгами и транспарантами, посвященными великой эпопее во льдах Полярного моря. В обеденные перерывы в цехах проходятся митинги. Каждый цех готовит героям Арктики подарки. В день их приезда ударники завода выйдут встречать полярников и летчиков—Героев Советского Союза.

▲ Вчера на многолюдных цеховых митингах рабочие автозавода имени Сталина с воодушевлением приняли приветствие героям арктического похода.

— В вашем мужественном подвиге и героических полетах бесстрашных пилотов, в подлинно образцовой организации всего дела спасения челюскинцев,— пишут автозаводцы,—мы видим новое блестящее доказательство неизмеримо выросшей мощи нашей страны, ее готовности под руководством славной ленинской партии и нашего великого и мудрого Сталина ответить сокрушительным ударом на удар с чьей-либо стороны. Горячо приветствуем и крепко жмем ваши руки. Ждем вас к себе на завод.

▲ На заводе «Динамо» в обеденные перерывы проводятся лекции о походе «Челюскина». На заводе выходит специальный номер газеты, посвященный экспедиции проф. Шмидта.

▲ Большое оживление на Электрозаводе. 18 июня состоится общекомбинатская массовка в честь приезда полярников. На фасаде этого завода вывешивается огромное панно, изображающее лагерь Шмидта и отважных летчиков — Героев Советского Союза.

— Товарищи челюскинцы!—говорится в приветствии электрозаводцев.—Такие герои, как вы, могли вырасти лишь в нашей советской стране. Электрозаводцы приложат все усилия к тому, чтобы стать подлинными челюскинцами в производстве.

Электрозаводцы горды тем, что в славном деле спасения лучших сынов нашей родины работа советских самолетов и магнето марки «Электрозавод» была такой же безупречной, как и вся работа героев-челюскинцев.

▲ С оркестром и знаменами выйдет встречать челюскинцев завод № 3 им. Калинина. Колонна оформляется по эскизу художника Новоселова картинами из жизни ледового лагеря и портретами О. Ю. Шмидта и летчиков.

▲ Рабочие «Трехгорки» отправили челюскинцам приветственную телеграмму и приглашают их быть гостями фабрики. Ряд бригад «Трехгорки» назвав именем лучших людей великого полярного похода — Героев Советского Союза. На собраниях рабочих принято решение назвать именем «Челюскинец» лучшую ткань, которую выпустит фабрика. Молодежная бригада первой смены 3-го этажа прядилки решила ознаменовать приезд героев сдачей военно-технического экзамена ко дню авиации.

—o—

Что такое подвиг?

Что такое подвиг? Подвиг у нас — когда человек отдает себя целиком родине, забывая даже о личных интересах. В нашей стране, куда бы мы ни заглянули, везде мы встретим много людей, готовых отдать своей стране все силы, а если надо, и жизнь.

Челюскинцы и герои-летчики — вот пример, как умеют смотреть наши люди в глаза смерти. А такие люди могут завоевать не только Север, но и все, что угодно!

ПЕТР ХИНЕЙКО.

Бригадир сборки роторов ленинградского завода им. Сталина, награжден орденом Трудового Красного знамени.

Демьян Бедный.

ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕЕ ГЕРОЙСТВО.

В Германии на-днях в семье одной
Порой ночной,
Законспирировавшись крайне,
Отец — с ним сын его родной —
Московской радио-волной
Дух ободряли свой и наслаждались втайне.
Но не дремали тож фашистские чины:
Любители советской были
В проступке столь ужасном были
Фашистами уличены,
Уличены, к суду привлечены
И в каземат заключены.
Там, в недрах каменного гроба,
Мертвящей тишиной они казнятся оба.
К ним, как фашисты в том уверены вполне
(Была проверочная проба!),
Не проложить никак пути в глухой стене
Советской радио-волне.
Волне отрезан путь!
Однако,
Я думаю иначе:
Чрез чье-то сердце, чью-то грудь,
Горячей радости порывом не случайным
К преступникам необычайным
Советская волна найдет кратчайший путь.
Путь к их сердцам найдет и укрепит их песней,
Которой в мире нет чудесней,
В которой все слова — геройские слова
О том, как, встречные свои ряды построив,
Вся пролетарская Москва
Приветствует своих арктических героев!

Да, песня наша такова:
Всех вымыслов слова ее простые краше!
В «челюскинцах» мы чтим геройство их и — наше,
Геройство братьев, жен, отцов и матерей,
Геройство всех богатырей,
Чья исполинская работа
Над укреплением оплота
Трудящихся всех стран дала уже плоды,
Об'единивши всех соратников в ряды,
ГДЕ ВСЕ БОЙЦЫ СИЛЬНЫ ИХ ОБЩИМ
КРОВНЫМ СВОЙСТВОМ —
ВСЕПОБЕЖДАЮЩИМ ГЕРОЙСТВОМ!

ДЛЯ КОЛХОЗНИКОВ НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ НАШЕЙ РОДИНЫ.

□□□

Письмо героям-челюскинцам от ударников-колхозников колхоза «Конь», района деятельности Пестречинской МТС, Татарской республики.

□□□

Герой Советского Союза летчик ВОДОПЬЯНОВ по дороге в Москву на станции Тайшет встретился со своим дедом Василием Григорьевичем Водопьяновым.
Фото В. Темина, доставлено в Свердловск самолетом, из Свердловска в Москву передано бильдаппаратом

Как сейчас помним, 18 февраля принес нам вольцевик на сход свежую почту. Из газет узнали мы, что разбитый льдами ваш пароход погиб. С той поры изо дня в день все от мала до велика следили мы за вашей суровой жизнью на льдине, следили и заботились, будто каждый из вас был нам самым родным, самым близким человеком.

Наступала пора больших забот о хлебе. Колхоз наш готовился к весеннему севу. Ваша суровая борьба со стихией, смелость и дисциплина стали для нас великим примером с первых же дней подготовки к весне. Никогда не слышали мы ни от старых людей, не знали и по книгам, чтобы могла быть такая опасная и красивая жизнь на вечных льдах в неизведанном холодном краю, где каждый час караулит человека смерть. От вашего ледяного лагеря будто электричество шло во все уголки земли и поднимало в нас новые силы, преданность колхозному делу и уверенность в победах на колхозных полях. Глядя на вас, переделывались в колхозе люди. Наш инспектор по качеству Юсуп Галиев во время сева вывесил на полевом стане красную доску челюскинцев. Каждый день в свободную минуту вырезывал он из газет последние вести о вашем ледяном лагере, наклеивал газетные вырезки на эту доску. Юсуп Галиев оставил на доске место и об'явил бригадам, что лучшие ударники колхоза, которые дадут высокие образцы качества пахоты и сева и покажут пример дисциплины и организованности, будут занесены на почетную доску челюскинцев. Тогда началось соревнование. Колхозники Муртазин, Насыбуллин из шестой бригады Хамита Садыкова до последних дней сева перевыполняли нормы выработки, ни разу не нарушали агротехнических правил, не имели ни одного замечания по части колхозной дисциплины. Комиссия по качеству оценила все их работы на «отлично», и фамилии Муртазина и Насыбуллина первыми были занесены на челюскинскую доску.

Были у нас в то время и другого сорта люди. Противно было смотреть на Гамадеевых и Рахима и Юсупа. Сонные выходили они на работу и не работой занимались, а курили, рассказывали деревенские сплетни и думали только скорей бы кончить работу. Несколько раз бригадир заставлял их заново перепахивать участки, снимать огрехи или делать повторное боронование. Мы послали к ним Муртазина и Насыбуллина. Ударники пристыдили Гамадеевых, напомнили им о вашей борьбе на льдине и назвали тогда обоих «моржами».

Сегодня у нас «моржей» не стало. Рахим и Юсуп сегодня в списках лучших ударников колхоза «Конь».

Рассказами и заботой о вас, товарищи, жили не только взрослые. Мы расскажем о делах наших маленьких колхозников-пионеров. 11-летний Хамит Шахмин организовал из 25 татарских ребят «команду челюскинцев». Эта команда ежедневно забирала свежие газеты, искала в них все, что писалось о вашем лагере. Сообщения эти обводились цветным карандашем, и к обеденному перерыву вся команда, нагруженная газетами, разбегалась по полевым станам бригад. Пионеры читали газету вслух на станах неграмотным колхозникам и колхозницам, а остальное время, разбившись на звенья, собирали тряпки и паклю для тракторной бригады, собирали по деревне золу, вытаскивали ее для удобрения земли на полях, носили в станы табак, спички, воду, чтобы избавить взрослых от лишних забот. 20 центн. золы вынесла на поля команда Хамита Шахмина.

Мы успешно закончили весенний сев и сохранили всех лошадей.

Когда узнали мы, что герои-летчики нашли ваш лагерь и спасли первых из вас, эта весть облетела все избы. Мы следили по газетам за каждым полетом аэропланов, и не верилось, что можно по воздуху через вечные льды перенести столько людей, обреченных на гибель. Мы радовались за ваших спасителей, бесстрашных летчиков, и видна была нам, как на ладони, великая, теплая и неустанная забота, которую несли наша партия и правительство. Эту заботу чувствовали мы на каждом шагу, направленном к вашему спасению. Эту большую заботу испытали мы, товарищи, на себе. Были мы раньше, до советской власти, в вечной и беспросветной нужде, долгах и кабале. Темна и забита была старая татарская деревня. Кто только нас не бил: бил недород, бил голод, били кулаки и муллы, кто в силе, те и били. Нынешний наш колхозник Хамидуллин Исхак 40 лет бился, чтобы купить корову. И наш кулак Ислам Хайреев 20 лет продавал ему эту корову. Продаст Хамидуллину телку, растит ее Хамидуллин, ухаживает за ней, кормит. Начнет телка молоко давать, и забирает Хайреев половину молока себе, а года через два берет у Хамидуллина и корову обратно, а ему снова дает теленка. 10 коров вырастил Хамидуллин Хайрееву за 20 лет своей нескладной жизни, а сам так и остался без коровы и молока.

Маленький это пример, но во всем велось так. Партия наша, Сталин наш взяли нас под свою заботу, сняли нас с единоличной льдины, открыли нам на колхозной земле новую жизнь. Сейчас у нас и хлеба вдоволь, коровы есть у каждого колхозника, и гуси, и овцы, и свиньи. И Хамидуллин Исхак имеет теперь свою избу, построенную в прошлом году колхозом, имеет он свою корову, которую помог ему купить колхоз.

Заботу партии чувствуем мы во всех наших житейских мелочах. Эту заботу несет наш любимый политотдел каждый час и каждый день, везде — и на полевом стане, и на конюшнях, везде, где мы трудимся и живем. И для колхозников нет ничего дороже нашей родины, с которой связала нас новая колхозная жизнь, свободная и богатая, связала нещадная борьба с вековыми угнетателями, связали заботы нашей партии, которая вывела нас к этой жизни, дала нам равноправие со всем трудящимися людьми всех национальностей.

Нашей дорогой родине, пока мы живы, отдадим все силы, а если понадобится, — не пожалеем и жизни. Над нашей деревней каждый день пролетают в Чистополье самолеты. Они напоминают нам о беззаветных героях-летчиках, которые, не боясь смерти, бросились на помощь к вам, товарищи, в ледяную страну. И мы гордимся ими: в этих самолетах и их летчиках мы видим несокрушимую нашу силу, оберегающую от врагов мирный труд рабочих и колхозников.

Сейчас близится уборка хлебов. Хорошие дожди прошли в наших краях. Цветут *рожь и озимая пшеница*. **Богатый урожай обещают дать наши поля.** Мы об'явили сейчас социалистическое соревнование бригад на лучшее и своевременное проведение всех полевых работ, и лучшая бригада будет носить великое имя героев-челюскинцев. Кандидатом на это звание мы заносим сейчас седьмую краснознаменную бригаду «Кзыл Яшляр». Хамит Шахмин и 25 ребят его «команды» дали свое слово собрать всех ребят деревни и во время уборки ни одного колоса не оставить на полях.

К вам, товарищи, у нас есть большая просьба — приезжайте к нам в гости и расскажите нам сами о своей жизни и борьбе на льдине, посмотрите, как мы живем и строим свою колхозную жизнь. Вы будете самыми дорогими гостями в нашем колхозе, потому что в каждом из нас живут сейчас ваши незабываемые примеры геройства, мужества, дисциплины и беззаветной преданности нашей великой родине.

Приезжайте, товарищи. Мы ждем вас в гости.

Колхозники колхоза «Конь» района деятельности Пестречинской МТС, Татарской республики: ВАЛЕЕВ АБДУЛХАК, ХАМИДУЛЛИН, ГАЛИЕВ ЮСУП, НАСЫБУЛИН, МУРТАЗИН, ЗАЛЕЕВ ФАИЗРАХМАН, ХИСАМИЕВ, ГИМАДИИ, ШАМСУТДИНОВ МУХУТДИН, САЛЯХОВ ГИЛЯС, ГАЛИЕВА МАГИДА, МУХАМЕДЕЕВ МАСУТ, ХАЗИЗЕЕВА ГАИНА, ХАЗИЕВ ХУЗЯ, ГАЛИЕВА ФАГИЛЯ, ХИСАМ АМИЕВА, ЗЕЙНАБ, ХИСАМИЕВА РАБИГА, ГИМАДИЕВ РАХИМ, САБИТОВА ЗАКИРА, АХМЕТШИНА ХАНИФА, ХАМИДУЛЛИНА БАДРНИСА, ШАХМИН ХАМИТ и другие.

Я завидую их матерям...

Далеко от нас льдина, на которой сидели челюскинцы. Не было там у нас ни односельчан, ни знакомых, ни родственников. А все же все село Песочное, Ивановской области, знает этих людей, и все мы очень тревожились за их судьбу.

Как хотите, товарищи, а все же это большое, рискованное дело. Но челюскинцы и летчики показали большую отвагу. Они показали, на что мы, советские граждане, способны, какую имеем в себе силу. И если какая-нибудь буржуазия нападет на нашу родину, думается, сумеем показать, на что способны и наши летчики, и артиллеристы, и кавалеристы, и пехотинцы. Все они, не щадя себя, постараются, но уже для другой науки: научат свиные рыла, как сказал товарищ Сталин, не соваться в советский огород.

Недаром среди нашей колхозной молодежи получилось огромное стремление летать. К примеру: мой племянник, сын сестры Миша Дудин, который окончил в этом году 8-летку, подал на-днях заявление о поступлении в авиационную школу. Я его похвалила. Я хотела бы, чтобы и мой старший сын Володя стал летчиком.

Всем героям, их матерям и женам я, ударница-колхозница, шлю свой горячий привет.

Юлия Евлампиевна МОЛЬКОВА.

Челюскинец—это значит лучший ударник.

Не удивляйтесь, товарищи челюскинцы и летчики-герои, что ваш приезд в Москву приветствует доярка, обыкновенная коровница. В буржуазных странах удивляются вашей смелости, а я, рядовая коровница, понимаю, почему у нас так много смелых людей, готовых отдать свою жизнь за свою родину.

Как нам на самом деле не быть преданными своей родине до последней капли крови, если нас окружает такая огромная любовь партии и правительства. Возьму пример с себя. Что ждало бы меня в старое время, когда я работала на кулаков?—Голодная смерть на старости. А теперь я, беспартийная колхозница, получила высшую награду — орден Ленина. Эту награду я получила только за то, что пять лет добросовестно ухаживаю за коровами нашей коммуны «Интернационал», Запорожского района. Выходит — за честный и преданный труд, который идет нам, колхозникам, на пользу, правительство нас еще награждает. Где еще в мире труд трудящихся в таком почете?!

К вам, людям ученым, отдающим знания и силы за наше общее дело, каждый колхозник относится с уважением и любовью. Челюскинец—теперь значит лучший ударник.

ДОМАХА ЧЕДЕЦ.

И я говорю сынам: защищайте нашу страну!

□□□

АННА МОЛОКОВА.

□□□

В. С. МОЛОКОВ.

Настали такие дни, что трудно и мне, старухе, усидеть на месте, молчать. Ведь челюскинцы едут к нам, ведь летчики вот-вот приедут к нам, ведь завтра я увижу дорогого сына моего Васю Молокова!.. Уж на что Василий молчаливый, спокойный, да и то не выдержал—заговорил. На земле, в Петропавловске, вместе со своими товарищами, шестью летчиками, он сказал

— Красные летчики знают, за что они борются,—в этом залог их побед.

Ну, и я, старуха, Анна Степановна Молокова, знаю, за что боролся Шмидт со своими челюскинцами и сын мой со своими товарищами-летчиками на Севере, на льдинах.

За нашу родину, за советскую власть, за лучшую жизнь — вот за что боролись они. Теперь такое время, что не только молодые, но и старухи и старики очень даже понимают, что к чему, что творится на белом свете. Да как же мне не понять, когда я есть мать Василия Сергеевича Молокова, который, не считаясь с собой, вывез трипать девять челюскинцев с льдины на землю... Спас их на своем самолете. И как с матерью героя все село наше Ирининское, где я живу, все колхозники наши уважительно говорили со мной, читали мне газеты, рассказывали, что там слышно, как советские летчики по-над высокими горами пробираются, против ветра идут, а своего добиваются — долететь, спасти своих товарищей. И долетели и спасли. (Обидно, прямо скажу, товарищи, обидно мне было, что я плохо грамоту знаю, сама читать про это не могла. Поздновато, правда, но учитель наш взялся меня подучить. Авось выйдет!).

Я, конечно, горжусь своим сыном; а как я горжусь,—об этом сама скажу ему завтра при встрече тихонько. Но про другое сейчас у меня речь. А вот про что:

Нас, таких, как я, семь счастливых родителей, у которых сыны—герои Советского Союза. Прямо скажу: большая гордость у меня, старухи, что выходила, выкормила сына своим трудом, а советская власть дала ему большой ход вперед. Оглядываешься назад, вспоминаешь всю свою тяжелую жизнь и думаешь: кем он был бы, ежели бы не советская власть?.. Пастухом, батраком, как я всю жизнь батрачила; кем бы он был, сын беднячки, продавшей последнюю корову, чтоб мужа схоронить?.. А это было, товарищи. Осталась я с махонькими детьми, обиходов нету, работать некому. Добычники малы. Какой Вася добычник, когда ему шесть лет? А он у меня старший. И жили мы так, что хорошего мало в жизни видали. Вот и думай, вот и живи, как хочешь. И пошла я по людям работать: сады окапывала, картошку окучивала, собирала. Тянулась. Одна у Васи рубашка, а все с утюжка.

Обыкновенная, худая жизнь. Десяти лет ушел Вася в Москву на коробочную фабрику у Калужской заставы. И коробочником работал и молотобойцем. Здесь пошел он как следует, потому ему сосед по койке хороший попался, дядя Василий, рабочий, из матросов, безверный. Он его на правильный путь наставлял. Только на ноги встал он, а его на войну, в царскую забирают. 9 человек с ним из Ирининского уходят. Две ночи жила я с ним в Подольске, плакала. Думала отдохнуть, а все выходит работать. Одного, Василия, во флот, а второго, Ивана, в пехоту. Две ночи жила я с Василием в Подольске, все плакала: «Куда его гонят, на смерть?..» Время подходит провожать, сую ему образок, иконку, чтоб бог его сохранил, а он мою руку отводит, тихо, серьезно говорит: «Мать, ежели судьба мне жить, то и без бога проживу».

Голова у него не пустая, не мякиной набита. Он с первого дня революции крепко за советскую власть держал. Редко я видала его дома. Пришел он раз с чехословацкого фронта — оборванный, заросший, побыл дня два дома и вновь собирается уходить. — «Куда, спрашиваю, Василий?» — Молчит. Взял картошки меру, хлеба, прощается, говорит:

— Ну, мать, пожалуй я больше не приду.

— Почему так?

— Никого не пощажу и мне пощады не будет. Крепко за советскую власть держать буду.

С тех пор он и летает.

Приезжал он года два назад на короткую побывку, когда с Черного моря на Север перебирался. Приехал, а усидеть не может. Терпенья нет у него бездельничать. «Дайте, говорит, мне какое дело». Привык все работать. Однажды услышал — гудит в небе самолет. Выскочил, глянул в небо, глазами самолет провожает, смотрит, молчит. Свой, значит, вспомнил...

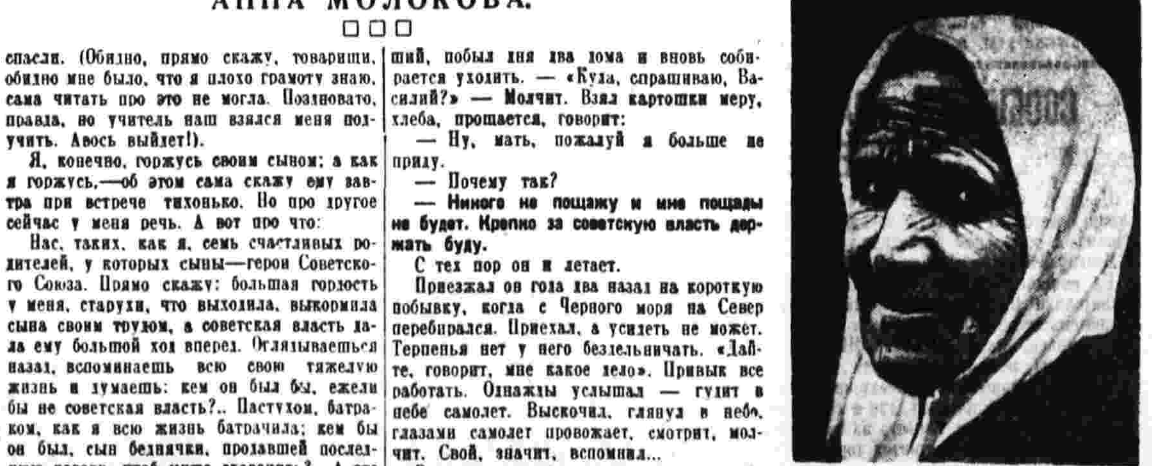
Видит — скучно старуха живет, купил мне радио, поставил дома: чтоб слышала мир, мне говорит. (В эту зиму радио испортилось, и вроде я глухая стала. Так привыкла слушать. Но он приедет, исправит). Кто чего захочет, своего добьется. Дух захватило у меня, когда узнала, что он там людей к крыльям привязывал. Скорей, значит, хотел их на землю поставить. Правда, пугалась я: как же, думаю, он на ледницу встанет? Отдышалась я, когда всех спасли. Все вышло по-хорошему, ко двору уж они под'езжают.

Но я в него все время верила. Он молчковый, зря слова не обронит, тихий, спокойный, но ежели что задумал — выполнит. Вот у меня его фотография: смотрит прямо перед собой, всерьез; в расстегнутом френче, заросший — попить-поесть некогда было. И верно, он как прилетит в лагерь, так только скажет: «Ну, давайте следующих, давайте шестерых заберу» Смуглый он, коренастый, голубоглазый. Только седеть стал — забот много. Жалливый он, но упорный. Знал, на что шел: подойдет дело — спасу, не подойдет — сам погибну. А когда его потом спросили: «Ну, как, мол, Василий Молоков, слетал, что трудного было?» А он тихо, всерьез отвечает: «Дорога была нелегкая, только,— говорит,—и всего». Как все, он не щадил себя, свою натуру не берег, потому что знал, какое большое государственное дело им поручено.

Он крепко держит за нашу власть, а если *бы не держался, не таким бы был*. И тут я хочу сказать своим сынам: защищайте советскую власть, берегите ее, не уступайте никому земли своей родины! Эта власть — наша власть; она дает ходу в жизни трудящемуся человеку. Так как же такую родину не защищать!.. Василий Сергеевич Молоков, сын мой, поставил свое, что задумал: постарался для своего государства. Мне, старухе, уже столько не жить, сколько ему, а хочется жить в такое время, как наше. Это много значит, когда старухи хотят жить, жить, — значит время богатое, бодрое.

Есть у трудового народа такие старухи, которые детям поперек дороги не стоят. Слыхала я про Параскеву Димитрову. Года у нее уже старые, а как она своего сына-коммуниста подбодряла, чтобы он стоял за рабочих и фашистов не испугался! Я это к тому говорю, чтобы матери растили и воспитывали таких героев советского государства, как Димитров, как Водопьянов, Слепнев, Леваневский, Каманин, Доронин, Ляпидевский, как сын мой Василий Молоков. И если кто позарится на советское государство, выступит против трудового народа, я первая скажу своему сыну, по-советски благословлю его:

— Иди, защищай свою родину. Смело вперед иди. Время такое подошло.

А. С. МОЛОКОВА.

Анна Молокова

Село Ирининское,
Ленинского района,
Московской области.

Мы готовы отбить нападение с любой стороны земного шара

Челюскинцы и герои-летчики открыли новые пути, имеющие огромное значение для обороны нашего социалистического отечества.

Героическое путешествие и научные исследования челюскинцев доказали полную проходимость Северного морского пути от Мурмана до устья Лены, Берингова пролива и Камчатки, а изумительные подвиги спасших их летчиков открыли новую воздушную линию от Хабаровска в Ванкарем.

Подвиги челюскинцев показали, что с любой стороны земного шара мы готовы отбить нападение врага, который попытался бы посягнуть на нашу родину.

Н. МАГДЕСИЕВ.

Заведующий конструкторским бюро завода «Большевик».

Ленинград.

—o—

Слава советской марке!

Вести о первых бесплодных попытках наших летчиков пробиться в лагерь Шмидта повергли некоторых людей в уныние.

— Справятся ли наши машины с ледяной стихией? Выдержат ли наши моторы? Смогут ли самолеты совершать рейсы в невероятно тяжелых условиях Арктики?

И когда последние челюскинцы вышли из кабины самолета на материк, я, как техник и директор завода, почувствовал необычайный прилив гордости за советскую марку, украшавшую крылья наших машин.

Бесспорно: спасение челюскинцев стало возможным только в результате сочетания изумительной храбрости людей и превосходных качеств наших машин. И то и другое оказалось на непревзойденной высоте.

А. ИВАНОВ.

Директор завода «Электросила», награжден орденом Ленина.

—o—

Будем учиться у вас воле к победе.

Я зачитывала до дыр все статьи о челюскинцах и их знаменитом лагере. Больше всего меня поражали мужество, железная дисциплина и большевистская организованность. Эти качества мы должны воспитывать в себе, чтобы побеждать в колхозном строительстве так же, как вы победили на фронте науки.

Пламенный привет героям-летчикам, славным сынам нашей великой родины!

Елена Никитична ТКАЧЕВА.

Бригадир колхоза им. 1-й конной, Славянского района, краснознаменка

—o—

Честь отважным!

Жду с нетерпением, когда находящиеся среди челюскинцев ленинградцы поедут домой через 438-й км Октябрьской дороги. Буду ли я на дежурстве или нет, а челюскинцев выйду встречать обязательно, выйду отдать честь отважным завоевателям Севера моей славной родины.

ПАВЕЛ АКИНФИЕВ — путевой обходчик 438-го км Октябрьской дороги.

—o—

Несравненные красота и величие.

Чем больше мы узнаем о подробностях эпопеи челюскинцев, тем больше выявляется ее несравненные красота и величие. Во всем ее об'еме эта эпопея дает наглядное доказательство превосходства коллективизма над индивидуализмом.

Коллективизм не только не подавляет человеческой личности, но, наоборот, ведет к проявлению высших ее качеств — действенной инициативы и самоотверженья.

Академик А. БАХ.

Михаил Рудерман.

МОЛОКОВУ.

Расскажи,
Как, спускаясь низко
Над Игаркой,
Шел самолет,
Как узнал ты
Стратегию риска,
Сторожа
Неспокойный лед.

Как большой
Треугольной тенью
К Ванкарему
В туман и снег
К молчаливому
Делу спасенья
Молчаливый
Летел человек.

В этой тихой
Твоей повадке
Есть большого
Спокойствия весть,
Сила выдержки,
Сила хватки
И отважная сила есть

Северянин?
Не эта сила,
Побеждающая всегда
Нас учила
И нас растила
Большевистская
Сила труда.
С ней в борьбе
Не везет стихии,
С ней не сладят
Огонь и лед.
У природы
Дела плохие:
Ледяные форты
Глухие
С длинным грохотом
Отдает.

Нам не страшны
Клыки торосов
В этой общей
Большой борьбе.
Я хотел бы
Почти без вопросов
Просто
Руку пожать тебе!

„Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую родину“. (ИЗ ПИСЬМА ДАТСКОГО МОРЯКА).

Снимок челюскинца Н. Комова.

На аэродроме, в ожидании вылетевшего с материка самолета.

ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ МОРЯКАМ И ЛЕТЧИКАМ!

(Письмо иностранных моряков).

Мы приветствуем русских моряков и летчиков, возвращающихся в столицу своей великой родины. Их храбрость и героизм достойны подражания.

Морякам не привыкать к невзгодам Опасность всегда стоит рядом с нами, и храбрость поэтому — профессиональная черта моряков. И однако любой моряк, плавающий под флагом любой страны, не может не выразить своего восхищения челюскинцами. Мы видели и помним катастрофы еще более печальные, чем гибель «Челюскина», но не видели и не помним мужества и дисциплины, равных тем, которые проявили советские моряки.

Они шли пустынными и неизведанными морями, через льды, открывая новый морской путь. И когда льды сжали судно, они оставались на нем до самой последней минуты. Они сошли только тогда, когда гибель была уже неотвратимой и все средства спасти судно были бесплодны. Они спасли все, что можно было. И последним сошел капитан.

В памяти моряков всего мира живут воспоминания о том, как в свое время моряки «Красина» спасли пассажиров с гибнущего парохода «Монте Сервантес», как команда советского нефтевоза, рискуя жизнью, спасла с горящего парохода «Жорж Филиппар» сотни пассажиров. Теперь они прибавляют сюда героизм моряков-челюскинцев и, обнажив головы, говорят:

— Привет советским морякам, чье мужество вызывает восхищение всего мира. Моряки всех стран чтут бесстрашие своих русских собратьев!

Команды британских и скандинавских пароходов: «Шиф Гарт», «Бронтон Манор», «Карин», «Аньер», «Герта Мерск», «Граклюс».

Ленинград.

РОДИНА ВСТРЕЧАЕТ ИХ, КАК СВОИХ ЛУЧШИХ СЫНОВ.

(Письмо датского моряка).

В 1923 г. датский пароход «Татьяна» потерпел крушение у берегов Аляски. Команда спаслась на маленьком островке. Дело было зимой. С судна мы не успели захватить с собой ни припасов, ни одежды, ни палаток. 8 суток мы прожили в нестерпимых условиях. Мы мерзли, голодали и так как не могли связаться с внешним миром, мы приготовились к смерти. На девятые сутки, когда уже самые сильные начали поддаваться унынию, когда голод и лишения подточили силы самых выносливых, нас нашел сторожевой канадский крейсер. На крейсере нам отвели неудобное помещение. Никто не подумал дать нам одеяла, чтобы прикрыться, или чистое белье. За 9 суток одежда от рассола одеревянела настолько, что нельзя было двинуть ни рукой, ни ногой. Никто не сказал нам теплого слова.

Нас послали в Викторию, да и там вместо того, чтобы обогреть нас, дать отдых, нас посадили в помещение с решетками. 7 дней мы сидели там, и за это время нам не сменили белья. Мы были все в той же одежде, в какой спаслись. Мы дошли до крайности. Написали плакат и вывесили его за окно: «Здесь живут потерпевшие кораблекрушение, датские моряки. Помогите им!». Нас заставили снять плакат. Тогда мы сломали решетки и хотели бежать. Нас задержали и под конвоем доставили на родину. И первое, что мы услышали, ступив ногой на землю родины, был голос полицейского, предлагавшего нам уплатить штраф за взлом решетки.

И вот так же, как и наше судно, погиб «Челюскин». Люди остались на льдине. На помощь и на спасение были брошены лучшие люди и силы. Их спасли. И вся страна встречает их, как героев, с любовью и восхищением. Гулом приветствий встречает их родина, как самых лучших своих сынов. Слава о них живет в сердцах миллионов. Можно завидовать стране, имеющей таких героев, и можно завидовать героям, имеющим такую родину.

ШАМКИНГ.

Снимок Г. А. Ушакова.

Палатка научных работников в лагере Шмидта.

КОГДА РЕЧЬ ПОЙДЕТ О ЗАЩИТЕ РОДИНЫ...

Шеломинцев

Начальник автомата токарного цеха завода «Шарикоподшипник»; награжден орденом Ленина.

Известие о гибели «Челюскина» ошеломляюще подействовало на всех. Это можно было наблюдать в цехе, дома, в школе.

Я лично все время верил, что челюскинцы будут спасены, потому что этого хочет страна, потому что за это дело взялись партия, ее Центральный Комитет, вождь товарищ **Сталин**.

Но сколько было пережито тревог и волнений за эти месяцы! Долетят ли самолеты? Не будет ли жертв? Хватит ли у челюскинцев продовольствия?

И вот мы уже встретили О. Ю. Шмидта, а теперь встречаем всех челюскинцев и их героев-спасителей целыми и невредимыми.

Из героев-летчиков меня особенно интересует **Молоков**. Я приблизительно угадываю тип этого человека. Такие люди встречаются и на производстве, и они поражают своим хладнокровием и решительностью. Они меньше говорят, чем другие, много работают, много думают. Я считаю, что следовало бы описать работу Молокова, его детство, его воспитание.

Вообще же я считаю, что для каждого сознательного гражданина нашей страны было бы счастьем участвовать в такой героической эпопее. Не знаю: будет ли или не будет война, но если она вспыхнет, весь мир узнает, сколько мы имеем таких героев, как Молоков, Каманин, Слепнев, таких решительных и стойких людей, как вся славная плеяда челюскинцев. Ведь речь тогда будет итти о спасении не одной горсточки людей, а о защите родины!

ЧЕМ МЫ МОГЛИ ИМ ПОМОЧЬ?

Никанорова

Электрозавод, цех новых источников света. Награждена орденом Ленина.

«Челюскинцы»... Уже несколько месяцев это слово не сходит у нас с языка, не выходит из головы.

Вспоминаю, как рано утром мы получили газету и там было напечатано: «Спасли женщин и детей». Это нас привело в неописуемый восторг. Чем мы могли ответить на этот подвиг?

Каждый рабочий брал на себя обязательства работать лучше, честнее, добросовестнее, снизить брак, выполнить программу.

Сейчас рабочие нашего завода с нетерпением ждут, когда к ним придут челюскинцы и сами расскажут о том, что они пережили. Ждут Шмидта, ждут героев-летчиков.

Что касается меня лично, то я с удовольствием поехала бы куда угодно, пошла бы на любое дело, чтобы только помочь. Если будет война, я всегда готова выполнить все, что от меня потребует родина.

ВАШ ГЕРОИЗМ ЗАРАЖАЛ ВСЕХ КОЛХОЗНИКОВ.

Луша Левченко

Председатель екатериновского сельсовета, Лозовского района.

Дорогие товарищи!

Если бы вы могли заглянуть сейчас в хаты колхозников нашего екатериновского сельсовета, Лозовского района, на Украине, вы бы увидели и услышали, с каким волнением, с какой невиданной радостью говорят здесь о вашем приезде в Москву. Когда колхозники читали сообщения о вашем бодром настроении в то время, когда на льдине, вдали от родины, вас каждую минуту ждала смерть, они говорили:

— Вот это значит советские люди!

И вот теперь вы приезжаете в Москву полные бодрости и сил.

На колхозные собрания и пленумы сельсовета, на которых рассказывали о вашей жизни на льдине, приходило много колхозников Ваш героический пример заражал всех нас

Вот и я награждена орденом Трудового красного знамени за то, что самоотверженно боролась за колхозное дело, за новую деревенскую жизнь.

Примите от меня, недавно рядовой колхозницы, а теперь председателя сельсовета, товарищеский привет Приезжайте к нам в Екатериновку, и вы увидите, как много теперь у нас колхозных героев Посмотрите на колхозные поля: все зеленеет, все колосится Мы ждем урожая выше среднего, а ведь выпало всего два дождя. Высокого урожая, товарищи челюскинцы, добились наши колхозные герои, которые работали в этом году так преданно, как никогда раньше Мы соберем весь урожай и не дадим пропасть ни одному зерну в поле. Будьте уверены в том, что мы свое слово сдержим.

С честью вышедшим из всех испытаний.

Академик А. П. Карпинский

Президент Всесоюзной академии наук.

Приветствуя челюскинцев по случаю их счастливого возвращения домой, необходимо отметить, что независимо от тех научных наблюдений, которые производились как во время похода «Челюскина», так и после гибели корабля, независимо от испытания пригодности такого типа судна для ледовых условий Арктики, мы вынесли из этого похода еще один ценнейший опыт.

Пример челюскинцев во главе с О. Ю. Шмидтом показал нам, чего можно достигнуть благодаря выдержке и соблюдению строгой дисциплины.

Поздравим же душевно челюскинцев с возвращением и пожелаем этим славным советским гражданам, с честью вышедшим из всех испытаний, заслуженного отдыха.

Великое время.

Антонина Нежданова

Народная артистка республики.

Только в нашей великой стране, в наше великое, исключительное время родятся великие, могучие духом герои, бескорыстно ведущие человечество к светлому будущему.

Смелым и славным.

Е. А. Корчагина-Александровская

Народная артистка республики.

От всего сердца приветствую смелых и славных челюскинцев — исследователей трудного и опасного Северного пути, отважных летчиков, беспримерным подвигом спасших всех челюскинцев, находившихся на краю гибели.

Родина творящих легенды.

Мих. Ленин

Заслуженный артист республики.

Только в стране, где человек свободен от внутренних пут (буржуазные предрассудки, обычаи, привычки, условности), где он имеет перед собой расчищенный, ничем не затемненный горизонт, он творит во всех областях жизни интенсивно и могуче ярко, и весь его путь является героическим: эпизоды гражданской войны, гиганты-заводы, гиганты-города, завоевание стратосферы, Арктики, эпроновские работы, метро и ряд блестящих завоеваний науки и искусства.

Такая страна и является родиной творящих легенды, истинно героических людей.

Героика жизни обгоняет искусство.

В. Щуко

Академик архитектуры.

В самых различных отраслях нашей многообразной жизни выдвигаются героические люди, вызывающие восхищение даже врагов.

Героика жизни обгоняет искусство,—оно в долгу перед страной и перед историей. И мы будем вправе назвать героем искусства мастера, создавшего художественное произведение такой силы и выразительности, что оно донесет до потомков героическую действительность наших дней.

Оптимизм страны социализма.

М. Слонимский

Писатель.

В поведении челюскинцев с предельной четкостью обнаружились лучшие черты людей нашей страны. В смертельной опасности, в условиях, способных потрясти и самого мужественного человека, отряд храбрецов во главе с тов. Шмидтом остался дисциплинированным, продолжая жить общей жизнью со всей страной, обогащая науку новыми и новыми исследованиями и интересы коллектива ставя выше всяких личных помыслов.

Чувство громадной ответственности за каждый поступок свой, самоотверженная и радостная готовность побеждать любое препятствие, спокойная уверенность в том, что будет сделано все возможное для помощи,— все это озарено великолепным светом советского оптимизма, оптимизма страны, неудержимо и повседневно строящей социализм, строящей счастливое будущее человечества. Быстрые и решительные меры партии и правительства вернули челюскинцев на материк. Поразительные подвиги летчиков вдохновлены все теми же чувствами, отличающими граждан страны Советов от людей прошлого. Справедливая гордость владеет каждым советским гражданином, восторженно встречающим спасенных строителей. Мы гордимся своими героями.

Письмо старого товарища.

НОВОСИБИРСК, 16 июня. **(Спец. корр. «Правды»).** Под Иркутском, когда наш поезд с предельной скоростью мчался по берегу Байкала, в «корреспондентское купе» заглянул бортмеханик самолета Бабушкина тов. **Валавин** и пригласил меня к себе.

— Вот, — сказал он, протягивая какую-то записку, — думаю, может, как корреспонденту, тебе интересно прочитать письмо, полученное мною во Владивостоке от старого друга.

Это простое письмо меня взволновало. Вот что в нем было:

«Архангельский завод, Башкирская АССР, 30 апреля.

Егорка!

Я еще не имею официальных данных— ты или какой-нибудь однофамилец, герой «Челюскина», Валавин, но по фотографии, оттиснутой в «Правде» вместе с летчиком Бабушкиным, я признал тебя.

Я рад за тебя, я рад за наш завод, на котором мы вместе с тобой работали, выросли.

Я рад даже за то, что на долю Башкирии приходится один полярник. Когда я увидел в «Правде» твою фамилию и фотографию, я сообщил эту радость Сашке Зимину, работающему в Уфе. Сколько о тебе было разговоров, воспоминаний начиная с самого раннего детства. Здесь вспомнили огороды, улицу, возню, драки, слезы.

Надо радоваться еще тому, что ты—герой, вышедший из семьи невзгод и страданий. Ведь твое детство хуже, что можно ожидать от царского самодержавия. Ты даже не учился в школе столько, сколько учились другие бедняки.

Кто испытывал больше всего унижения от всех привилегированных прослоек, которые тебя окружали, как не ты, Георгий? Ты, наверное, и сейчас не забыл кличку «Егорка-корова». Как это подло звучит сейчас, и как это обычно было тогда.

Ты, наверное, помнишь, что нам можно было работать только на отвозке золы и ремонте. Ведь мы носили в старое время кличку «вшивые поденщики». Ведь только сыны подхалимов да «рабочей аристократии» пробирались в лучшие цехи и лучшие места.

А мы считались неспособными по природе людьми. Что получилось теперь, за 16 лет диктатуры пролетариата? Раньше нам не доверяли станок, а теперь ты бортмеханик в полярных условиях, а я партработник. Я рад, что революция нас застала в молодом возрасте, что именно на нашу долю падает эта упорная борьба за великое будущее для всего человечества, и в первую очередь для пролетариата.

Поздравляю тебя, друг детства и завода, с победами. Желаю тебе скорее быть на материке, поправить здоровье. Может быть, встретимся, и ты расскажешь о своей жизни.

Жена тебя тоже поздравляет. Она, после того как узнала, что ты на «Челюскине», с жадностью следила за каждой газетной строкой о вас, искала твою фамилию.

Не знаю твоего адреса. Может быть, письмо попадет другому Валавину, но это все равно. Пусть другой герой знает, что им восхищаются в самых отдаленных уголках Советского Союза.

Башкирская АССР, Архангельский завод, райком ВКП(б), секретарю.

От имени всего состава бюро райкома всем челюскинцам большевистский привет! **Глазов».**

... Письмо попало по адресу.

Л. ХВАТ.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ.

КУРЬЕРСКИИ.

Мосты потрясая громом,
Леса застилая дымом,
Таежным соснам по пояс,
Оставшимся позади,
Как ливень, по перегонам
Товарных составов мимо
Вели машинисты поезд
Курьерский номер один.

Вставали над ним рассветы,
Теряющие равновесье
Сгорали звезды в паденьи,
Дымились утра, и вот
Он в полдни врывался ветром.
На станциях пели песни
И против обыкновенья
Задерживали его.

Летели столбы навстречу,
Ложились поля направо,
Асфальтовые перроны,
Зеленые города,
И в каждом городе встреча,
Районных оркестров слава,
И на вокзалах в знамена
Одетые поезда.

Упавшие под колеса
На шпалах цветут левкои,
Дождя не просохли лужи,
Распахнуты в мир сады
И ветер ложится косо,
И в каждом окне герои,
И каждым из них заслужен
Орден Красной Звезды.

Друзей открывается пленум,
И слово берет Каманин,
И слово берет Водопьянов,
И слово Слепнев берет:
«Сегодня над Ванкаремом,
Должно быть, погода в тумане
И вывести из тумана
Опять нельзя самолет!»

И входит в купе Воронин,
И радость в глазах не скрыта,
В руках у него газета,
Встает сквозняк за спиной,
Он говорит: «На перроне
Мы встретим любимого Шмидта,
Да здравствуют люди Советов,
Воспитанные страной!»

За окнами бьются рощи,
Летят в повороте села,
Похожие на зимницы
Тучи плывут на юг.
В Москве через Красную площадь
Идут октябрята веселые,
«Челюскинцам-дорогинцам»
Песни свои поют.

По тамбурам ходит ветер,
В пургу тополя одеты,
Стекла, ветром одетые,
Подрагивают в пути.
И отдал бы все на свете
Любой машинист Советов
За то, чтобы именно этот
Экспресс на Москву вести!

Почва, которая рождает героев.

Академик А. Богомолец

Президент Всеукраинской академии наук.

Спасение челюскинцев—это не только блестящее испытание блестящих качеств советской авиации. Спасение челюскинцев показало всему миру, что воля социалистической общественности не знает преград. Кажется, Стендаль говорил, что существует почва, которая рождает героев. Челюскинцы и их спасители доказали, что эта почва занимает одну шестую часть земного шара, принадлежащую Союзу Советских Социалистических Республик.

Мы не сомневались в этом чуде.

А. Ф. Иоффе

Академик.

Челюскинцы приезжают в Москву. За 2 месяца, проведенных на льдине, эта сотня передовых разведчиков Севера сделалась нам родной, больше того — сделалась нашей гордостью.

Летчики совершили чудо,— так говорит опыт Арктики. Но ни мы здесь, ни челюскинцы там не сомневались в этом чуде: мы уже привыкли к чудесам большевистской целеустремленной воли. Большевики **Ленин** и **Сталин** вывели все человечество, казалось бы, из безнадежного болота угнетения и рабства. Как можно было сомневаться в том, что партия добьется спасения своего смелого северного отряда? И она добилась. Радость за близких людей соединялась со счастьем уверенности в наших силах. История челюскинцев не оставляет сомнения: такие вожди, как Сталин, такие самоотверженные строители, как герои Советского Союза, обеспечивает победу социализма.

Сыны Советского Союза.

М. М. Блюменталь-Тамарина

Народная артистка республики.

Я очень счастлива и рада, что дожила до того времени, когда настоящие, подлинные герои-летчики спасли такое количество людей. Каждый день, открывая газету, я искала строки о челюскинцах и, находя эти строки, я никогда не могла спокойно их читать. Наша жизнь выдвигает многих героев на различных участках работ. И этот настоящий героизм может быть только на нашей дорогой родине, в нашем Советском Союзе.

Летать выше, летать скорее!

Харламов, проф. А. Некрасов

Центральный аэро-гидродинамический институт (ЦАГИ).

ЦАГИ горячо приветствует отважных челюскинцев и героев-летчиков с их прибытием в Москву — столицу великого Советского Союза.

Эпопея челюскинцев и их спасение доказали всем врагам и друзьям великую мощь нашей страны и способность нашей авиации по первому зову партии и правительства выполнить свой долг, каким бы трудным он ни оказался. Самоотверженные подвиги челюскинцев и летчиков показывают, какой громадной мощью располагает Советский Союз и как велики те силы, которые встанут на защиту родины, если враг посмеет угрожать нашим границам.

На защиту советской родины! — вот лозунг, к которому призывают подвиги челюскинцев и летчиков.

Летать выше, летать дальше и летать скорее — это путь дальнейшей работы ЦАГИ, намеченный всеми волнующими событиями похода и спасения челюскинцев.

Для нас не может быть преград.

Ф. Крылов

Начальник ЭПРОН.

Мы, эпроновцы, работавшие на 78-й параллели, прекрасно знаем условия работы в Арктике. Тем больший восторг вызывают в нас борьба и победа челюскинцев и их спасителей.

Так работать и побеждать умеют только большевики. Для нас, пролетариев Советского Союза, нет и не может быть преград.

Под руководством нашего могучего штаба — ЦК нашей славной партии и ее вождя товарища **Сталина**, нас ждут впереди еще новые победы в борьбе со стихийными силами природы.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ЭПОПЕЯ.

В. И. Качалов

Народный артист республики.

Разве не новый тип героики являют собой вот такое мужество, такой покой, покой уверенности, такая ничем непоколебимая вера в спасение, в помощь, которая придет, придет, не может не притти от правительства, от партии, от страны, от ее лучших сынов?! Вот такое беспредельное терпение, энергия, дисциплинированность, организованность, — разве это не новые, небывалые, невиданные еще краски? Такие простые, не кричащие краски и в то же время ослепительные в своем сиянии и этим сиянием озаряющие и заражающие весь мир.

А простота жеста летчиков, их скромное, тихое исполнение своего долга, их беспредельная отвага, их тихий, насыщенный до предела героический пафос—не порыва, а глубочайшего сознания своего долга, своего призвания.

Товарищи мастера искусства, заражайтесь этим мужеством, проверяйте, достойны ли мы, в силах ли отобразить эту светлую, чудесную, великолепную эпопею, которой имя челюскинцы.

ЖИВЫЕ РОДНИКИ ТАЛАНТОВ.

А. А. Яблочкина

Народная артистка республики.

Поход челюскинцев во льдах Арктики, гибель судна, изумительная, незабываемая жизнь на льдине и чудесное спасение нашими несравненными летчиками заставляли с трепетом, с замиранием сердца и вместе с тем с гордостью и любовью переживать всю чудесную эпопею. За это время все челюскинцы стали нам близкими, родными, любимыми.

Весь этот поход и их спасение—сплошная героика. Новый строй нашей жизни открывает небывалые возможности для расцвета героизма. Партия и наша великая страна во всех областях воспитывает и родит героев.

Как солнце, грея лучами землю, заставляет расцветать на ней все живущее, так идеи социализма, проникая в толщу народную, пробуждают и дают возможность осознать свои силы народу, будят мысль, крепят волю. В народной массе бьют живые родники изобретательности, талантов, мужества, чудесных подвигов.

Я не говорю уже о славных героях Красной Армии, которые всегда в авангарде. А ведь прошло только 17 лет! Что же обещает наш строй в будущем? Какие возможности! Какие широкие горизонты! Прежде можно было только мечтать или видеть во сне такие чудесные сказки, а теперь — это явь, это действительность.

«Я ГОРД, ЧТО МОЯ РОДИНА — СССР».

Н. Н. Рыбников

Заслуженный артист республики.

Я горд, что живу в такое время, как наше.

Я горд, что моя родина—Советский Союз.

Я горд, что я—современник подлинных героев Советского Союза, наших доблестных летчиков—спасителей челюскинцев.

Но я буду еще более горд, когда я смогу со сцены Малого театра дать образ настоящего героя нашей родины, героя великой стройки, стройки социализма.

СПОКОЙСТВИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Н. Тихонов

Писатель.

Все проходило в величественном спокойствии. Спокойно работали ученые, спокойно хлебопеки пекли хлеб, спокойно разговаривал радист с Ванкаремом, спокойно расчищали ежедневно аэродром, спокойно прорабатывали постановления с'езда, спокойно — нет, не так-то уж спокойно — ломались вокруг льды, славливали ледяные валы, расходились в разные стороны стенки барака. Дорого стоит такое спокойствие полярников перед лицом опасности.

Спокойно летели самолеты над морями, над горами, надо льдами, врезались в туманы, падали набок под шквалами и, спокойно долетев до лагеря, снижались уверенными в своем спокойствии летчиками.

Ежедневное испытание перед лицом страшной опасности сделало этих борцов с полярными льдами героями Советского Союза. И когда последние люди лагеря уходили к самолету, они привели хижины в порядок, вымыли посуду, оставили продовольствие, прикрепили покрепче красный флаг над льдиной и спокойно перелетели на материк, на твердую землю.

Вот такому спокойствию следует учиться. Такое спокойствие следует воспитать в себе, чтобы быть достойными сынами нашей страны перед лицом любой опасности.

„Путешествие на край ночи“.

□□□

Л. Никулин.

Французский писатель Луи Фердинанд Селин написал книгу и назвал ее: «Путешествие на край ночи».

Эта книга — судьба молодого человека, живущего на теневой стороне жизни, молодого человека, в душе которого сидит «страх быть убитым на войне и страх умереть с голоду в мирные времена». Эта книга отчаянья, ужаса и печали — история молодого человека, который «устал бродить и ничего не находить».

Человек прошел сквозь войну, колониальное рабство, нью-йоркскую и парижскую нищету, сквозь мрак и ужас капиталистического мира и пришел к жестокому выводу:

«Мир заперт. Мы подошли к самому краю. Самое лучшее в мире — уйти из него».

Одно из самых острых и язвительных мест книги Селина относится к буржуазному героизму, «вязкому фрикассэ героизма», по выражению автора.

«Нужно сказать правду, — пишет Селин, — полковник проявлял изумительную храбрость. Он расхаживал по самой середине дороги взад и вперед под снарядами, как будто он поджидает на вокзале приятеля и ему немного скучно.

Этот храбрый полковник был убит.

«Полковник убит!» — закричал я, приближаясь к посту.

«Полковников все равно хоть завались!»—срезал меня дежурный.

А он был таким храбрым этот полковник, в своей каске и усах. Показать бы публике в мюзик-холле, как он гулял под пулями и снарядами».

Но солдаты — не публика из мюзик-холла. Это обыкновенные солдаты, дошедшие до грани отчаяния.

«Что мы теряем, когда горит хозяйский дом?—рассуждают солдаты.—Придет новый хозяин, немец или француз, или англичанин, чтобы потребовать при случае квартирную плату... В марках или франках — все равно».

Доброволец, охваченный так называемым патриотическим пылом, теряет тень героизма и, отправляясь в разведку, ищет неприятеля, чтобы сдаться ему в плен. Разочарование в героизме, разочарование в буржуазной цивилизации, разочарование в интеллигенции — лучших людях своей страны... Где же истина?

«Куда итти, — спрашиваю я вас, — если нет уже при себе необходимой дозы безумия? Где же истина?.. Истина — это бесконечная предсмертная агония. Истина этого мира — смерть», — отвечает Луи Селин.

Я читал книгу «Путешествие на край ночи» в дни победы челюскинцев, в дни победы истинного героизма и высшей доблести трудящегося человечества.

Люди «Челюскина» и их спасители тоже совершили свое **путешествие на край ночи**, они буквально были на краю полярной, арктической устрашающей ночи. Но ни отчаянье, ни страх, ни жесточайшие испытания не сломили единой воли спасенных, спасителей и родины.

Миллионы трудящихся умеют ценить героизм своих братьев и товарищей, и миллионы пролетариев говорят:

— Что есть истина?

— Истина—это борьба и победа. Истина — это борьба и победа над стихиями, над вооруженным врагом пролетарской страны, над старыми и мерзкими, мучающими человечество страстями: алчностью, эгоизмом, это **победа над ночью**.

Истина нашего мира — жизнь.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

□□□

Сергей Семенов.

(По телефону из Свердловска).

Это было необыкновенное заседание. В шести тысячах километров от Тихого океана и в трех тысячах от Москвы. Заседало бюро партийной организации челюскинцев в поезде.

Поезд шел Барабинской степью. В зеркальном окне видна зеленая равнина. В кромке горизонта свежая весенняя земная равнина сливается с голубым простором, подернутым уже знойной летней дымкой.

В купэ жесткого вагона, где мы собрались, душно, дымно, пыльно. На столике и под столиком бутылки с нарзаном, папиросы и цветы, цветы, цветы... На протяжении 6 тысяч километров пионеры буквально забрасывают поезд цветами.

Душно так, что нечем дышать, сидим в растегнутых нижних рубахах, лица распарены. Мы не против солнца—отличного жаркого советского солнца, но мы немножко отвыкли от него и плохо переносим жару. У сидящего рядом со мной тов. Ульева от духоты болит голова. Мне кажется, что у меня тоже болит. Тем не менее лица у всех нас счастливые, веселые, гордые.

Мы переживаем радостное чувство итогов. Не знамена, плакаты, оркестры, митинги, цветы, крики «ура», сопровождающие наш поезд от станции к станции, вызывают в нас это радостное чувство. Нет, нечто другое, гораздо более глубокое и волнующее.

В руках у секретаря нашей парторганизации Задорова кипа разнокалиберных бумажек. Это—заявления и автобиографии челюскинцев и летчиков, желающих вступить в партию.

* * *

Задорову долго не удается открыть заседание. Слишком веселы и счастливы. Шутят, смеются, острят, каламбурят. В обычное купэ, вмещающее четырех, втиснулись одиннадцать. Толя Колесниченко и Миша Филиппов заявили, что если никто не желает лезть на верхние полки, то они готовы пожертвовать собой. Нельзя сказать, чтобы это было большой жертвой с их стороны, хотя на верхних полках и душнее, и жарче, но зато там свободнее, можно лечь, вытянуться. Внизу—Бобров, Задоров, Баевский, Гуревич, Ульев, Румянцев, я, Нестеров, Канцель, жмем друг друга и потеем. Писать можно с трудом.

— Зови Сашу Погосова.—командует Задоров Нестерову, стоящему в дверях.

Входит Саша. Он не то взволнован, не то похудел. Ах, нет, он просто побрился ради торжественного момента. Мы усадили его на полу на-корточках у двери, и из кипы бумажек Задоров берет верхнюю и читает вслух:

— В бюро коллектива ВКП(б) челюскинцев от Александра Погосова, механика острова Врангеля. Заявление. Воспитанный ленинским комсомолом—теперь мне 25 лет,—я не вижу и не мыслю себе другого пути, как вступление в коммунистическую партию. Проверив себя в походе «Челюскина» и на льду, я чувствую себя подготовленным для вступления в партию и прошу принять меня в ряды партии большевиков.

А. ПОГОСОВ.

13 июня 1934 г.

Мы все хорошо знаем Сашу Погосова. Он—один из лучших среди лучших. Он — из числа шестерки, последней покинувшей льдину. Вся эта шестерка замечательная. Бобров, Воронин, Кренкель, Загорский, Иванов и Саша Погосов. Но из числа этой шестерки Саша Погосов был последний, который вскочил на последний оторвавшийся со льда самолет. Саша—комендант наших ледовых аэродромов. Он помогал заводить моторы. Он помог завести мотор последнего самолета и вскочил в кабину уже нахоху.

Задоров кончил читать. Две секунды молчания. Бобров первый говорит восторженно и недоуменно:

— Саша, сукин ты сын, я всегда считал тебя партийцем, а ты оказался комсомольцем.

И, обращаясь к бюро, Бобров продолжал:

— Что ж с ним делать. Придется ведь принять.

Принять, разумеется, придется, но мы строго спрашиваем Сашу:

— А как у тебя с рекомендациями?

— Могу достать сколько угодно.

Тут с верхней полки раздается голос Миши Филиппова. Он перегнулся, снизил голову и пытается заглянуть в лица сидящих внизу.

— Товарищи, а можем ли мы ставить вопрос о приеме в партию?

Задоров и Колесниченко раз'ясняют недоумения Миши. На всякий случай в руках у Володи Задорова появляется маленькая книжка—новый устав нашей партии. Эту книжку поднесли нам в Петропавловске-на-Камчатке. Вот почти год как мы оторваны от жизни нашей страны. За этот год развернулась чистка партии. Никто из нас не проходил чистки. Мы все формально даже не члены партии, но мы надеемся, что партия простит нам наше запоздание.

Все недоумения раз'яснены с помощью маленькой книжки. Ваня Румянцев, председатель нашего судкома, спрашивает Сашу:

— Сколько лет, Сашуха, ты был рабочим?

Саша отвечает.

— А как ты, Саша, хорошо изучил решения XVII партийного с'езда?

— Изучал.

Решения XVII с'езда мы изучали на «Смоленске». Саша в своем кружке был активнейшим слушателем.

— А новый устав проработал?

— Да, конечно. В Охотском и Японском морях прорабатывал.

— А ну-ка,—говорит Бобров,—если прорабатывал, дай нам справочку, по какой категории мы должны принять тебя по новому уставу?

— Я думаю, по второй,—говорит Саша. Он устал сидеть на-корточках. На загорелом до черноты лице его выступают капельки пота.

— Совершенно верно, подходит ко второй категории.

— Подходит!

— Подходит!

— Итак, — резюмирует Володя Задоров,—есть предложение рекомендовать Сашу Погосова в кандидаты ВКП(б). Кто за—подымите руки.

Поднимаем единогласно.

Впрочем, Толе Колесниченко и Лиде Филипповой, лежащим на верхних полках, приходится для голосования руки опускать вниз.

В протоколе заседания отмечается новый будущий коммунист Саша Погосов.

* * *

Еще душнее в купэ. В окне та же зеленая равнина, теперь она прорывается группами молодых берез. Поезд неожиданно загрохотал по стыкам рельсов. Станция. Короткая остановка. Взволнованные, полные ожидания лица. Красные платки на головах женщин и красные галстуки на шеях пионеров. Горячее короткое напутствие, и поезд уносится на Запад.

За станцией далеко в степи мелькнул маяк. Здесь пролегает трасса одного из важнейших путей нашей страны. За маяком, как серебряная сверкающая станция, платинкой блеснуло небольшое озеро. Среди моря свежей зелени оно странно напомнило разводья среди льдов Чукотского моря.

На полу у двери сидит на-корточках другой челюскинец — геодезист Васильев. Он отнимает полчаса. За Васильевым входят герои Советского Союза: Сигизмунд Леваневский, за Леваневским Анатолий Ляпидевский, за Ляпидевским физик Факидов — татарин, молодой, чрезвычайно талантливый. Его работы на «Челюскине» по изучению глубины льда, вероятно, положат основание новой науке.

На Факидове задерживаемся несколько дольше. Он по происхождению из зажиточной крестьянской семьи. Но еще мальчишкой порвал с ней всякую связь. Внимательно расспрашиваем его о подробностях детства и учебы в средней и высшей школе. Как и всех предыдущих, охотно рекомендуем его в ряды ВКП(б). Факидов ушел взволнованный, радостно отирая пот. За ним, широко открыв большие серые глаза, входит громоздкий Эрнест Кренкель. Этого человека знает весь мир. Но челюскинцы знают его ближе. Он у них общий любимец. Эрнест Кренкель удивительно прям и честен. Он относится к себе с необычайной строгостью. Он давно думал о вхождении в партию, но считал себя непригодным.

— Ну, а принимал ли ты участие в проработке решений XVII с'езда на «Смоленске»?

— Работал в кружке и очень активно.

— А устав новый изучил?

— А как ты будешь с партийной дисциплиной, — спрашивает Баевский, — ты ведь индивидуалист?

— Буду, как-нибудь подожмусь.

На Кренкеле заседание бюро заканчивается. Остались нерассмотренными 13 заявлений: Кулина, Маркова — штурмана, Шуршова — гидрогеолога, Решетникова— художника, Бармина — машиниста, Виктора Рицк — биолога, Петрова — летнаба, Скворцова — плотника, Дурасова — матроса, Загорского — боцмана, Миронова — матроса и героя Советского Союза — Водопьянова. Мы заседали часа 3 и больше не можем. У нас «вынужденная посадка». Уславливаемся продолжить заседание завтра утром. Кстати, большая станция. Какая-то исключительная музыка, детский хор: «Да здравствуют челюскинцы!» — несется в вагон. Мы выходим навстречу...

ГИБЕЛЬ «ЧЕЛЮСКИНА».

Кадры из фильма, заснятого кинооператором т. **Шафран** в лагере Шмидта.

Герои Советского Союза приветствуют колхозников.

Летный и технический состав авиационных экспедиций по спасению челюскинцев, возвращаясь на родную землю, шлет пламенный товарищеский привет передовым колхозникам Советского Союза.

Мы рапортуем, что задание партии и правительства по спасению отряда полярников, находившихся на дрейфующей льдине, нами выполнено полностью.

Теплые товарищеские встречи колхозников, рабочих и всех трудящихся на всем далеком пути от Владивостока в Красную столицу придают нам новые силы, новую энергию для дальнейшей работы.

Летный и технический состав будет всегда на-чеку, готовый в любой момент стать на защиту границ республики Советов.

СЛЕПНЕВ, МОЛОКОВ, ДОРОНИН, ВОДОПЬЯНОВ, ЛЯПИДЕВСКИЙ, ЛЕВАНЕВСКИЙ.

Ялуторовск, 17 июня.

ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА.

□□□

Летчик Пивенштейн.

3 апреля, проводив Молокова и Каманина, я остался у мыса Беринга, чтобы отремонтировать шасси, достать бензин и продвигаться к цели. Самолеты Молокова и Каманина, даже не сделав круга, легли на курс бухты Провидения. Я провожал их глазами до тех пор, пока обе точки не скрылись за горизонт.

Отремонтировать самолет в условиях севера, в чукотском селении, где нет абсолютно ни материала, ни инструмента, — это очень сложная задача. Но еще больше, — я остался без грамма горючего. Узнав у чукчей, что в бухте Преображения, в фактории, есть бензин, я отправился туда на нартах. Бухта Преображения находилась в 65 километрах от мыса Беринга. На собаках я проездил два дня. Привез бензин, которого хватит до бухты Провидения. Но теперь задача — отремонтировать шасси. Нам надо было заменить стальной шатун. Мой механик Анисимов начал изобретать способ ремонта. Достав плавник у чукчей, он выстругал ножом деревянный шатун. Для того, чтобы вставить этот шатун, нам надо было поднять весь самолет. В этой работе нам помогли чукчи. Мы собрали все население,—в этот день оно не пошло на охоту. Поставив шатун, мы обмотали для прочности веревками. А теперь вопрос: выдержит наша конструкция или нет?

11 апреля я назначил день вылета. Для того, чтобы зарядить наш мотор, нам надо было 6 ведер горячей воды. На примусе, паяльной лампе мы развели свою «батарею» огня, и через 4 часа вода у нас кипела. Мотор был запущен быстро.

Наш «аэродром» представлял собой ледяную площадку 40 × 250 метров. Дав газ, я вырулил для взлета. Анисимов в последний раз осмотрел приделанный «протез», кивнув мне головой, что все в порядке, и мы пошли в воздух. На взлете я принял все меры, чтобы машина меньше прыгала на льду, ибо каждый прыжок мог вывести самолет из строя. Когда самолет отделился от земли, я взял курс на Провидение.

Полет был над скалистыми берегами и открытым морем. Через 1 час 30 минут я заметил селение. Это было то самое Провидение, где я мог достать и бензин, и отремонтировать свой самолет, и запастись продовольствием. Высота была у меня 1.600 метров. Мелкой спиралью я начал снижаться. А все же внутри что-то скребет. Выдержит наша конструкция при посадке или возьмет и развалится? С каждой спиралью самолет приближается ближе к земле, к тому месту, где должна решаться наша судьба. Взяв себя в руки, я пошел на посадку. Во время самого приземления я дал правую ногу, чтобы ослабить удар на левую лыжу. Самолет прикоснулся к земле. Каждый метр его пробега уносил за собой все волнение и давал знать о полном благополучии. Когда самолет совсем остановился, Анисимов не выдержал, выскочил из кабины убедиться, что действительно все благополучно.

В бухте Провидения при помощи мастерских мы основательно подремонтировали самолет. Когда самолет был полностью готов для взлета, начались мрачные дни: туманы, снегопады и пурга.

25 апреля был день встречи со своими ребятами. Прилетел я в Уэллен, ребята меня встречали, как с того света. Я был очень доволен, что не подкачал, что машину доставил к цели в полной исправности. Беседовать нам было некогда, надо было перевозить еще челюскинцев. Присоединившись к своей группе, я начал перевозить челюскинцев из Уэллена в Провидение, а затем из бухты Лаврентия. Все же мне еще удалось на своем самолете перебросить 18 челюскинцев, за которыми я был послан партией и правительством.

П. БУЙКО.

Начальник острова Врангеля.

Лагерь Шмидта—Ванкарем—Уэллен.

В Арктике все ужасно просто. Сегодня был корабль, красавец «Челюскин», перекрывший полярные моря с Запада на Восток, сегодня же его нет. Сегодня был жизнерадостный Борис Могилевич, сегодня же его нет. Сегодня отутюженное человеческими усилиями поле для приема самолетов радовало надеждой на близкое спасение, и сегодня же оно исчезло.

Коварства Арктики неиссякаемы. Но и энергия людей новой породы — большевиков, завоевывающих Арктику, неистощима.

Мы делаем новый аэродром упорно и напряженно. Кирки, лопаты, ломы, трамбовки. Бородатые, черные люди раскинулись цепью по снеговому полю. Под их ударами оседают ропаки, исчезают ледяные наросты. Поле выравнивается. 30 градусов мороза— и солнце, большое, весеннее солнце.

Для меня работа обрывается неожиданно. Ко мне подходит Копусов. Я вижу щетку усов на выдающейся вперед верхней губе, мягкие серые глаза:

— Петя, приготовься к отлету, самолет идет к нам, ты в эту очередь.

Лом врезается глубоко в снег. Быстренько перебираюсь через границу торосов к старому аэродрому. Там уже 5 товарищей переоблачились в малицы и следят за небосводом.

Черная точка самолета была схвачена на северо-западе. Она ежесекундно росла. И, наконец, гул мотора, пропеллера расхлестывает воздух, никелированный нос фюзеляжа, блестевшего вторым солнцем, крылья, точно гигантские листья пальмы, показали лицо «Р-5».

Он пошел на посадку сразу. Поле встретило его плавный спуск толчками заструг, и он, покачиваясь из стороны в сторону, подошел к нашей группе, как трамвай к остановке.

Из кабины смотрит летчик Молоков, углы губ его приветливо улыбаются.

— Быстренько садитесь, товарищи, беру шесть человек. Два идут в бочки под крылья.

Мотор продолжает работать, вызывая пургу. Мы грузимся, запихивая свои тяжеловесные туши в гондолу фюзеляжа.

Аэродромщики вкладывают машиниста Лешу Апокина и матроса Гешу Баранова в фанерные бочки, прикрепленные к крыльям.

Мы готовы. Самолет рулит к сигнальному «Т» и оттуда в секунду делает разбег и взлет.

Аэродром молнией срывается назад и вниз, ледяные горы становятся меньше, ропаки глаже, аэрополе ровнее.

Успеваем бросить вниз прощальные взмахи руками. Наверху ветер встречает в штыки. Смотреть вперед немыслимо.

Смотрим назад, вниз. Лагерь Шмидта — группа малюсеньких серых точек - палаток, расколотая пополам майной стального цвета. Явно заметный поворот на юго-запад, и дальнейший путь идет по геометрической прямой на Ванкарем. Я беспрестанно слежу за льдом. В тайниках мозга созрело решение проверить возможность пешего перехода.

Вокруг лагеря нескончаемые, огромные крепостные валы льда, иные даже с воздуха высятся в Гималаи. Меж валами небольшие торошенные поля. Имя всей картины — хаос.

Через полчаса лёта картина дополнилась еще одним произведением арктического искусства — зигзаги разводий вдоль и поперек извивались по ледовому телу Чукотского моря.

И вывод навязывался непреклонно и ясно: пешком итти невозможно.

Мысль быстро набросала картину этого зрелища. Усталые, полуголодные люди карабкаются по ропакам, сбивая пальцы рук и ног, проваливаются в торосах, утопают в снегу и в обманчивых, присыпанных снегом майнах, выбившиеся из сил, ночуют потные на снегу.

Разве мы смогли бы взять потребное на весь этот долгий путь количество продуктов, теплой одежды и палаток? Разве мы смогли бы тащить на себе лодку для переправы через разводья?

Мы рассыпались бы на множество мелких групп, больных, отстающих, затруднили бы дело нашего спасения, и только 20—30 человек с железным здоровьем увидели бы солнце на берегу.

Машинист Вася Бармин, сидевший рядом, беспрестанно вертел головой. Он первый увидел берег. Я повернулся вперед направо. Самолет идет на посадку в лагуну у холмистой гряды берега. Вираж, крен на левое крыло, машина выпрямляется, потом скользит под углом вниз. Толчок током по телу протелефонировал: «земля».

Самолет подрулил к ярангам и стал. Мы со смешанным чувством недоверия и радости слезали на первую за год почву, неприглядную, заснеженную.

Вечером, когда мы уже предвкушали первый без тревоги сон на берегу, в ярангу вошел Баевский.

— Товарищи, завтра утром надо итти на Уэллен, собираться у фактории в 8 часов.

Нам понятно без об'яснений — нужно освобождать жилье, прилетают новые товарищи, а жить негде, некоторые из них слабые — они должны будут после вывозки всех лететь на Уэллен.

И на другой день мы уже топали — 13 человек и 4 нарты. Впереди, за полкилометра, стал долговязый Джек, или матрос Миронов, за ним бодро и четко шагали комсомольцы, два друга — кочегары Паршинский и Бутаков, и вся остальная группа плыла равномерно скопом.

Мы шли к мысу Онман. Дорога — твердый наст, разузоренный ромашками собачьих следов. А наверху в небе, как в молоке, катается шарик — солнце, обдавая теплым дыханием наши спины. Но мороз энергично работает на 25 градусов по Цельсию.

У подошвы высокого мыса нарты сворачивают в обход его по льду моря, нартам не подняться в крутые высоты, мы же карабкаемся напрямик, с трудом цепляясь за спину хребта, скользкими нерпичьими подошвами торбазов.

Но зато какой ценный подарок природы мы получаем на самой шапке мыса Онман за наше напряжение.

Какое великолепие предстало нашим глазам!

Конном, идущим к северу, мыс срывался 300-метровой стеной скал ко льдам моря. Впереди на востоке лежал строптивый и высокий Джипретлен. И далеко в море вызовом Арктике брошен остров Колючин, с поднятой, как знамя, северной стенкой. Скалы и снег. Бело-черный хаос. Спускаясь, мы долго любовались картиной.

Чувствуем себя бодро, пока все идет, как говорят чукчи, «немелькхен» — хорошо.

Второй день пути тоже удача в погоде. Мы покрываем расстояние почти вдвое больше, чем в первый, т.-е. 60 километров.

Селение береговых чукчей-охотников — Пноупелли — вторая ночевка. И тут получилось то, что по-чукотски называется «етки» — плохо.

Саша Миронов утром отказался итти дальше, мотив — растяжение мышц левой ноги.

— Кстати, знаешь, посижу в яранге, понаблюдаю местный быт, фольклор, так сказать. Это мне, как пишущему, полезно.

И долговязого Джека мы оставили в Пноупелли. 12 человек продолжали путь. Итти с каждым шагом становилось труднее. Пурга мелкой дробью игольчатого снега подготавливала атаку. Под очки в глаза забивался снег. У двух-трех глаза слезились и болели. Привалы-перекурки участились, товарищи то и дело теребили каюров: «Скоро ли яранги?» А те только понукивали: «Аккельпе тагам Коуненси» — быстрее идемте на Коуннен.

Коуннен выплыл неожиданно из тумана пурги. И потому, что каюры, впервые за весь путь, стали кормить собак и прискали нового «магляли» (каюра) еще дополнительно, мы почувствовали, что завтра будет самый тяжелый переход через льды Колючинской губы.

Утром пурга освирепела, но итти необходимо. Наш продуктовый мешок быстро иссяк. Надо дойти до Инмитауена, там есть кооператив.

Плотнее закутываясь, застегиваясь, ребята вылезают из теплых жарников-яранг навстречу норду и метели. Идем за нартами скопом, чтобы не растерять друг друга. Отставший на 10 шагов исчезает в тумане, а крик его заглушает вой пурги. Следы заметает мгновенно. Мы не можем смотреть под ноги, мы не должны терять силуэты впереди идущих. Ноги беспрестанно утопают в снегу.

Движемся вне времени и вне местности. Никто не скажет, где мы — на льду или на суше. Все густо-бело, солнца нет, и времени не определишь.

Мы топаем давно, по часам Геши Баранова сделали 17 часов, по мере усталости, нам кажется, 24, но еще не было ни одной яранги, ни одного селения. Сон подступает к самому центру мозга, но ропаки под ногами гонят сон. Значит, мы еще идем по льду. Надо быть осторожнее, но поздно — нога срывается в трещину ропака, ступня подламывается. Приостановился, вытащил ногу... ступать на нее до крика больно. Но надо итти и итти. Зубы стиснуты острой боли... Не отставать, твержу себе, не отставать. Шаг нервнее, рывками, но сердце радуется, хотя с мукой, но иду.

На перекурках дебатируется вопрос: «Спать, спать, отдохнуть во что бы-то ни стало». Каюры возражают: «На снегу в пургу спать—замерзнешь». Скоро будет одна яранга, от нее близко Инмитауен, надо скорее итти. И мы снова тащимся за нартами.

Среди белесого засилья прочертилась полоска косы. Мы выбиваемся на нее. Нарты сворачивают к черным столбам, виднеющимся в тумане. Вероятно, это остатки желанной яранги, хозяин, видимо, откочевал. Каюры спешиваются у бывшего жилья,— «Кокуме немелькхен» (ай-яй-ай, хорошо). Выбивают из-под снега ногами моржовый окорок. Он похож на свиное сало. Ножи кромсают мясо, рты смачно жуют его.

Подкрепив моржатиной себя и собак, каюры снова пошли. Час, второй, третий, но нет Инмитауена, нет теплой яранги, горячего чая и мягкого сна.

Мы кидаем алчной пурге последние остатки сил. Белесый туман и беспрерывный снег сконденсировались в сгущенное молоко.

Несомненно одно — ночь. Новый каюр, шедший передовиком, уже не понукает собак, он плывет в молоке по воле волн.

Наши крики о ночлеге встряхивают его. Он останавливает все нарты, уходит в сторону, ища след.

Возвратясь из тумана, он, как провинившийся школьник, гасит веками угольки глаз и, твердо подчеркивая слова взмахом руки, говорит: «Уина тагам, утку спать» — нет хода, здесь спать. Спальные мешки выдергиваются из-под увязки нарт и в один миг народ лежит меж ропаками льда и косой в лагунке, засыпаемый снегом. По кусочку сахару сумели мы раздать на ужин в эту ночь. Это все, что осталось от продуктов.

Каюры не спали, видимо, караулили рассвет, некоторые из них просто заявили: «Не хотим замерзнуть».

Три часа в мешке под снегом. Тепло создавалось собственным дыханием, но все же «кит-кит» (немножко) отдохнули.

Каюры пробуждают собак, засыпанных снегом, долго трясут за постромки каждую пару упряжки.

Каюр Умка, эскимос из Наукана, никак не может разбудить последнюю пару. Он оборвал постромки, подымая собак на весу, но они не разжимают век, не потягиваются и не встряхиваются.

Верно, замерзли? Кривой нож глубоко в шерсти щупает сердце. Теперь ясно... Постромки летят на нарты, замерзшая пара оттаскивается в сторону.

Восемь усталых собак еле трогают Умкину нарту.

Мы идем уже в приличной видимости, пурга к утру стихает. Дорога идет по косе, пересекаемой оврагами. Приходится скатываться вниз, карабкаться вверх. Одной яранги еще нет,—по словам по[illegible], мы до нее не дошли.

Сквозь дым облаков чуть-чуть проглядывает солнце. Пожалуй, мы идем уже 17 часов без основательного отдыха и пищи. Усталость томит тело, но мысли несутся, как спущенные с цепи собаки, когда нога ступает по гладкому насту. Вырастают картины — Москва, Красная площадь, люди живые, и ноги веселее жмут и мысль твердит — из-за этого стоит нажать, поднатужиться и шагать, шагать...

Через три часа, миновав одну ярангу, мы входим в Инмитау и инмитауенский кооператив.

Вот где мы воскресли. Не успев пожать наши руки, инструктор чукотской кооперации Зильбер сразу дал по банке молока; тут же, не заходя в полог, мы его с'ели, а потом уже у жирников началось традиционное чаепитие.

Зильбер для нас явился первым, говорящим по-русски, за все 300 километров пути.

Каюры не смогли остаться на отдых в кооперации, так как не было корма для собак, они шли дальше. Мы физически были уже не в силах тащиться за ними, мы остались у Зильбера, отправив троих товарищей ехать по 1 чел. на нарту в оленьих малицах.

Два дня снова пурговала метель. Мы отсиживались у Зильбера, питаясь молоком, чаем.

И на третий день на кооперативных, прекрасных собаках, данных Зильбером, рванулись на Эй-Нурмин (Сердце-Камень).

Переход был не тяжел и не легок. После Колючинской губы он, скорее, казался нам легким. Здесь мы передохнули основательно четверо суток, успев за это время постричься, умыться, побриться и порядочно отдохнуть.

Из Сердца-Камень мы переехали в Уэллен.

Никогда не забыть этой красивой дороги по льду, у высоких отвесных скал. Прилетевшие на север птицы оживляли наш путь, и наши самолеты витали над головами, перевозя больных.

Доклад Эррио о СССР.

ПАРИЖ, 17 июня. (ТАСС). По сообщению агентства **Гаваса**, **Эррио** сделал в **Лионе** доклад о Советском Союзе.

Он рассказал о структуре Советского Союза, изложил руководящие принципы социалистического строительства, которые он характеризовал как «обширный и смелый опыт». Затем, указав на то, что наука окружена в Советском Союзе исключительным уважением, Эррио отметил заслуги перед наукой отважных советских стратонавтов, погибших при полете в стратосферу, и героической экспедиции челюскинцев.

В заключение Эррио заявил, что он видел в Советском Союзе народ, желающий мира, и что он желает дальнейшего сближения Франции с Советским Союзом для совместной работы в интересах укрепления мира.

НА ПОДДЕРЖКУ МИРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР.

Обращение английской компартии к лейбористам и независимцам, членам парламента.

ЛОНДОН, 15 июня. (ТАСС). Компартия обратилась с письмом ко всем депутатам, членам лейбористской и независимой рабочей партии, по поводу предложения, сделанного **тов. Литвиновым** в Женеве о **превращении конференции по разоружению в постоянную конференцию мира.**

В письме отмечается, что предложение Литвинова является «серьезной попыткой советского правительства предотвратить войну путем об'единения государств, сознающих необходимость совместных действий, для того, чтобы сдерживать и выявлять агрессивные намерения других государств».

В письме говорится далее, что в интересах сохранения мира и мобилизации английского рабочего класса против политики «национального» правительства, поддерживающего германскую и японскую агрессию, направленную против СССР, лейбористам и независимцам необходимо поднять этот вопрос в парламенте и потребовать, чтобы английские представители в Женеве оказали поддержку предложению Литвинова.

В передовой статье **«Дейли уоркер»** призывает все профсоюзные организации потребовать, чтобы лейбористская партия и конгресс тред-юнионов поддержали предложение Литвинова.

Враждебный акт против полпредства СССР в Финляндии.

ГЕЛЬСИНГФОРС, 17 июня. (ТАСС). Около четырех часов дня, когда уже закончились занятия в полпредстве, кто-то позвонил у дверей. На вышедшего отворить дверь дежурного курьера набросился с кулаками какой-то человек, сильно пьяный. Отправленный в полицию нападавший оказался финляндским гражданином **Евгением Саукиненом.**

После убийства польского министра внутренних дел.

ВАРШАВА, 17 июня. (ТАСС). До сих пор нет никаких указаний, что **полиции удалось напасть на** след убийц министра внутренних дел **Перацкого.**

«Курьер поранны» продолжает намекать, что следы убийц надо искать в террористических организациях право-фашистского лагеря.

«Газета польска» сообщает, что в течение последних двух дней арестовано около 100 членов национал-радикальных организаций. Среди арестованных — лидер национал-радикалов **Мосдорф.** Во всех десяти партийных помещениях национал-радикалов произведены обыски. Семь помещений опечатаны. Орган национал-радикалов **«Штафета»** не выходит уже второй день в виду закрытия властями типографии, в которой печаталась эта газета. На улицах не видно более национал-радикалов в форменной одежде.

Как сообщают газеты, покушавшийся имел при себе бомбу, которой не воспользовался в виду порчи механизма. Бомба найдена следственными властями.

В понедельник тело Перацкого будет перевезено поездом в гор. **Новый Сонч,** в котором родился Перацкий.

Все члены дипломатического корпуса, в том числе полпред СССР т. **Давтян,** выразили министерству иностранных дел соболезнование в связи с убийством.

ЯПОНИЯ ГОТОВА НА ЖЕРТВЫ... СО СТОРОНЫ США И АНГЛИИ.

ТОКИО, 17 июня. (ТАСС). Для участия в лондонских предварительных морских переговорах выезжает представитель морского генерального штаба **Ямазуми.**

По словам газеты **«Ници-ници»**, Ямазуми везет инструкции, в которых указывается, что Япония настаивает на признании прав равенства в морских вооружениях, отказе от принципа квот, а также на признании права каждой морской державы осуществлять морскую оборону в соответствии с особенностями требований государственной обороны.

В инструкциях указывается, что в качестве основного принципа морского соглашения, которое должно быть заключено на морской конференции 1935 года, Япония выдвинет принцип **ограничения общего тоннажа и размеров отдельных судов,** при чем в этом отношении **«державы, обладающие наиболее крупным флотом, должны понести известные жертвы».** Газета дает понять, что, по мнению Японии, жертвы должны принести **США** и **Англия.**

Курамото едет в Японию.

ТОКИО, 17 июня. (ТАСС). Агентство «Симбун ренго» сообщает из Шанхая, что **Курамото 16-го прибыл в Шанхай и 20 июня выезжает в Японию.**

ОНИ ЗАВОЕВАЛИ ВСЕМИРНУЮ СЛАВУ.

АНКЕТА ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ПРАВДЫ»

Франция.

Большевистская воля, большевистский порядок.

Проф. Парижского университета **Пренан:**

«Полная удача спасения челюскинцев в труднейших условиях вызвала восхищение всех, включая специалистов по Арктике.

Не нужно далеко забираться в прошлое, чтобы вспомнить про другое полярное крушение, приведшее к моральной и материальной катастрофе и стоившее также жизни спасавшим. Вызвано ли это различие случаем или судьбой? Не вызвано ли оно тем, что среди потерпевших крушение царил большевистский порядок и что большевистская воля собрала все нужные средства для спасения человеческих жизней и победы над природой? Не вызвано ли это тем, что каждый думал лишь о конкретной цели, а не о пустом тщеславии?

«Челюскин» выполнил свою миссию. Его документы спасены вместе с экипажем, и пролетарский режим показал миру, на что он способен».

Незабываемые подвиги.

Член Академии наук и проф. Парижского университета по кафедре высшей геометрии **Эри Картан:**

«Все, кто, подобно мне, не забыл подвигов, совершенных несколько лет назад ледоколом «Красиным», счастливы, что могут публично выразить свое восхищение отвагой и выносливостью челюскинцев и героизмом летчиков, которые спасли их, пренебрегая величайшими опасностями».

Великолепно, замечательно!

Известный французский исследователь подполковник **Шарко** принял корреспондента «Правды» и сделал ему следующее **заявление:**

«С огромным интересом я следил за волнующими и порой трагическими переживаниями мужественного экипажа «Челюскина». Во время недавнего пребывания в Париже проф. **Самойловича,** с которым я связан долголетней дружбой, я уже выразил ему свои чувства, вызванные этой славной эпопеей.

Я считаю, что все, что было сделано экипажем «Челюскина» и советскими летчиками,—это просто великолепно, замечательно! Замечательно дело проф. **Шмидта** и его отважных сотрудников, замечательны и великолепны подвиги неустрашимых летчиков.

Передайте вашим читателям, что я счастлив этим чудесным спасением и глубоко восхищен высокими человеческими качествами всех участников в этой прекрасной научной эпопее».

Англия.

Герберт Уэллс пишет:

«Мировой федерации республик еще не **существует.** Сегодняшние правительства **Запада** могут колебаться, посылать ли поздравления советским народам и тем, кто стоит во главе их. Тем не менее **во всем мире массы людей восторженно приветствуют ваши героические достижения на службу науке и человечеству».**

Привет старого полярника.

Эрнер Нильс Джейс—старый полярный исследователь, на личном опыте узнавший всю трудность подобных экспедиций. В 1901—1904 гг. он участвовал в группе **капитана Скотта.** В 1907—1909 гг. он был с **Шеккльтоном.** В 1914—1917 гг. он сам руководил экспедицией к Южному полюсу; два года провела эта экспедиция во льдах, пройдя расстояние в 2.000 миль. Из шести человек вернулось только трое.

Нильс Джейс не может говорить о челюскинцах без волнения.

— Только тот, — заявил он корреспонденту «Правды», — кто сам пережил ужас затерянности в ледяных скалах, может оценить значение подвига челюскинцев и героических летчиков. Я с глубоким интересом и волнением следил за всем ходом экспедиции. Выдержка и организованность, которые проявили челюскинцы, очутившись на льду, заслуживают самого искреннего восхищения. Чудесна также работа летчиков, которые, побивая рекорды в самых трудных условиях, дополнили их таким геройским подвигом, как привязывание пассажиров к крыльям самолета. Передайте спасителям и спасенным, а также тем, кто переживал вместе с ними их приключения, искреннюю радость по поводу благополучного возвращения челюскинцев от человека, который видел в подобных же условиях гибель половины своих товарищей.

Нильс Джейс намерен написать книгу об экспедиции «Челюскина».

„Эти люди достойны великой страны“.

Главный редактор **«Ньюс кроникл» Валланс** просил присоединить его голос к хору приветствий по адресу возвращающихся героев.

«Выдержка, организованность, мужество челюскинцев и советских летчиков вызвали восхищение во всем мире,—сказал он. — **Эти люди достойны великой страны».**

Тт. Шмидт и Ушаков в Соединенных Штатах. У памятника полярному исследователю Амундсену (Сан-Франциско).

Соединенные Штаты Америки.

„Успеха в будущих экспедициях!“

Общество друзей СССР шлет горячий привет команде «Челюскина» и ее отважному руководителю **Шмидту.** «Мы признаем огромную роль экспедиции в увязке со второй пятилеткой и тем интересом, который имеется во всем мире к Советскому Союзу,— говорит Общество друзей СССР в особом письме. — **Через нас американские рабочие и крестьяне передают вам лучшие пожелания успеха в ваших будущих экспедициях».**

Славная страница в истории Арктики.

Рой Чапман Эндрюс, известный исследователь, председатель исследовательского клуба и заместитель директора Американского музея естественной истории:

«За последние 10 лет Советский Союз энергично проводит в жизнь тщательно разработанный план изучения Арктики, который может послужить образцом для других стран. Я не знаю, что может сравниться с масштабом научных программ и работ советского Арктического института. Профессор **Шмидт** и его товарищи заслуживают высшей похвалы за свое мужественное поведение во время плаванья «Челюскина» и после кораблекрушения. Плаванье «Челюскина» и спасение его команды останутся навсегда славной страницей в истории Арктики».

Величайшие достижения.

Исследователь Арктики **Вильяльмур Стефенсон:**

«Экспедиция «Челюскина», которую весь мир сейчас чествует, а также предыдущая экспедиция Шмидта на **«Сибирякове»** стоят **на одном уровне с достижениями величайших исследователей.** Вместо случайных усилий мы видим выполнение продуманного плана изучения Арктики, осуществляемого при поддержке советского государства. Открытие Северо-Восточного морского пути имеет не только торговое значение, но и будет способствовать заселению и промышленному развитию Северной Сибири».

Чудесный вклад в науку.

Эрг, председатель **Американского географического общества по изучению полярных стран и редактор журнала** «Проблема полярных исследований»:

«Последние 15 лет русские чудесно приблизились к изучению арктической проблемы. Используя последние достижения науки, они **проникли в области, считавшиеся до сих пор недоступными. «Челюскин»** стал жертвой арктических условий. Однако успех **«Сибирякова»** и почти удавшееся плавание «Челюскина» показали возможность пользоваться Северо-Восточным морским путем. Следует наладить в Арктике систематическую передачу метеорологических сводок и организовать постоянную информацию о состоянии льдов».

Восторг американских ученых.

Институт культурной связи с СССР передает приветствие героической команде «Челюскина».

«Встречая **Шмидта** и **Ушакова в Нью-Йорке,**— говорится в приветствии,—институт выразил им чувство восторга, которое испытывают американские ученые и исследователи перед достижениями своих советских коллег. Достижения советских моряков, техников, ученых, авиаторов являются крупным вкладом в науку и признаны во всей Америке».

Италия.

«Одно из величайших деяний мировой авиации».

Заявление маршала авиации Итало Бальбо.

Достойный восхищения подвиг, связанный с **именем «Челюскина»,** является одним из величайших деяний, когда-либо совершенных современной мировой авиацией. Им гордятся авиаторы не только Советского Союза, но всего мира.

Будучи сам авиатором, я отдаю себе ясный отчет в тех исключительных трудностях, которые преодолели пилоты, спасая сотни потерпевших крушение людей, ожидавших своей участи в дрейфовавших полярных льдах.

Необыкновенная воля в соединении с современной техникой сделали возможным чудо, вырвав из об'ятий смерти человеческие жизни, которые без помощи авиации не нашли бы спасения. Авиация представляет в настоящее время мощное средство культуры и мирового прогресса в руках человечества.

Итало Бальбо.

Триполи, Африка, 15 июня.

Дания.

«Геройские подвиги — явление повседневной жизни СССР».

В июле прошлого года мы с женой имели огромное удовольствие провести в **Копенгагене** на борту **«Челюскина»** праздничный вечер в качестве гостей экспедиции. Велико было впечатление, которое произвели на нас решимость и энергия членов экспедиции. Самое сильное впечатление произвела на нас личность профессора **Шмидта,** этого выдающегося ученого, который показал себя также выдающимся человеком. Он проявил высокие способности руководителя в положении, когда дело шло о жизни и смерти, и оказался несравненным героем.

Геройские подвиги—это явление повседневной жизни СССР. Ибо сама советская революция является героическим подвигом, не имеющим себе равного, не говоря уже об идущем строительстве.

Велико было после аварии «Челюскина» общее напряжение: сотни тысяч людей с нетерпением хватали каждое утро газету и каждый вечер в 9 часов прислушивались к московскому радио, желая знать, не спасена ли экспедиция. Когда, наконец, московское радио смогло сообщить: «Все спасены»,— во всем мире люди вздохнули с облегчением. **Судьба экспедиции превратилась в вопрос, интересовавший все человечество, и подвиги советских летчиков блистали, подобно полярному сиянию, освещающему наше скандинавское небо.**

Старый мир получил представление о непобедимой юности и способности советских людей.

Мартин Андерсен-Нексе.

Железная настойчивость свойственна советским людям.

ЛЕНИНГРАД, 17 июня. **(Корр. «Правды»).** Эпопея «Челюскина» имеет первостепенное значение. Она ставит проблему изумительной связи между коммунизмом и героизмом.

Я еще слишком мало знаком с материалами о челюскинцах, чтобы подробно писать на эту тему. Но мне хочется горячо приветствовать тех, кто продемонстрировал перед всем миром храбрость, доблесть, упорство и железную настойчивость, свойственную людям советской страны.

Андре Мальро.

Страх перед изоляцией.

«Кельнише цейтунг» о международном положении.

БЕРЛИН, 17 июня. (ТАСС). **«Кельнише цейтунг»** посвящает переговорам **Гитлера и Муссолини** большую статью.

«Кельнише цейтунг» делит Европу на три группировки: блок **Франции** и ее союзников, ревизионистский блок побежденных в мировой войне государств, к которому, по словам газеты, присоединилась Италия, и, наконец, группировка, состоящая из Англии и так называемых «нейтральных» стран, которая, как утверждает «Кельнише цейтунг», «не будет ни противодействовать ревизии, ни поддерживать стремлений к ревизии».

В центре внимания статьи «Кельнише цейтунг» стоит вопрос о позиции **СССР.** Подчеркивая, что в своей внешней политике СССР всегда руководствовался только интересами своей страны, «Кельнише цейтунг» пишет, что так же, как в свое время неправильно было считать, что СССР является принципиальным сторонником ревизии, так же неправильно видеть в нем сейчас принципиального противника ее.

Останавливаясь на сближении между Францией и СССР, «Кельнише цейтунг» констатирует: «Это сближение доказало, что абсолютно противоположные политические и экономические системы не играют решающей роли при внешне-политических группировках. Неоднократно возникавшая мысль о едином антикоммунистическом фронте западно-европейских государств потерпела крушение, вопреки тем, кто питал или питает еще иллюзии относительно такой возможности».

Переходя к вопросу о предполагаемом **заключении региональных пактов безопасности в Восточной Европе** и констатируя в частности, что Англия не будет возражать против таких пактов, «Кельнише цейтунг» пишет:

«В Европе находится в стадии образования блок безопасности, при чем этой сетью безопасности СССР и Франция хотят совместно охватить Европу. Однако сотрудничество в области безопасности влечет за собой сотрудничество и в области остальных политических вопросов. Франция и СССР пытаются создать этот блок. — таков факт, перед которым стоят сегодня и Германия и Италия. Этот факт, несомненно, был главным предметом переговоров между Гитлером и Муссолини. Блок неизбежно ведет за собой образование **контрблока,** и сегодня проблемой Италии и Германии является вопрос о том, как они должны относиться к франко-советским планам. Рядом с этой проблемой все остальные вопросы имеют второстепенное значение.

Франко-советский блок представляет собой блок капиталистического государства с марксистским. Это свидетельствует о возможности внешне-политического сотрудничества между противоположными системами. Этот блок представляет собой соединение такой силы, которая превышает силу любого иного мыслимого в настоящее время в Европе блока».

В заключение «Кельнише цейтунг» выражает надежду, что германо-итальянское сближение повлияет на Англию в желательном для Германии направлении.

* * *

Статья «Кельнише цейтунг», отражая беспокойство германского фашизма, очутившегося во внешне-политическом тупике, представляет собой также попытку перепутать карты.

В самом деле, какие «блоки» противопоставляет полуофициоз фашистской Германии друг другу? Если речь идет о ГЕРМАНО-ЯПОНСКОМ «сотрудничестве», ПОД ЭГИДОЙ БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, то об этом «Кельнише цейтунг», мы думаем, информирована не хуже нас. Ежедневные факты подтверждают наличие сотрудничества «трех» и дают яркое представление об их агрессивных планах.

Любопытно, что «Кельнише цейтунг» противопоставляет этому желанному ею блоку другой блок, в котором фигурирует и СССР. О чем идет речь? Повидимому, о франко-советском сближении, о сотрудничестве ряда стран, заинтересованных в охране своей безопасности и в укреплении гарантий мира? Но чем озабочены эти страны, что заставляет их искать подобных гарантий, как не неприкрытая агрессивность германского империализма, его старых и новоявленных, подчас неожиданных, друзей и покровителей?

Мы понимаем причины меланхолии «Кельнише цейтунг». Ее инспираторов беспокоит ухудшение внешнеполитического положения Германии, осложняющееся ростом внутриполитического напряжения. Фашистским правителям не по душе усиление сотрудничества тех стран, которые имеют основание опасаться завоевательных планов, о которых распинаются на всех перекрестках господа Розенберги и прочие представители «теории» превращения доброй половины Европы в колонию фашистской Германии.

Но в таком случае пусть «Кельнише цейтунг» пеняет на самое себя, на своих инспираторов. Политика авантюр имеет свою логику и очень часто оборачивается против тех, кто ее проводит.

Германский ходатай — в Париже.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды»).

ПАРИЖ, 17 июня. Вчера в Париж прибыл уполномоченный германского правительства по вопросам разоружения **Риббентроп.** Он имел долгое собеседование с **Барту.**

Пертинакс в **«Эхо де пари»** пишет, что задачей гитлеровского посланца было добиться, чтобы Франция согласилась на **легализацию германских вооружений.** Риббентроп пытался доказать, что легализация соответствует интересам самой Франции. Целью германского маневра, утверждает Пертинакс, является создание раскола между Францией, ее союзниками и державами, с которыми она поддерживает дружеские отношения: все они должны быть отстранены от «джентльменского соглашения», которое заключили бы французский и германский генеральные штабы.

Пертинакс подчеркивает, что Германия противопоставляет региональным пактам о взаимной поддержке **общие пакты о ненападении** без определения агрессора, лишенные всякой гарантии исполнения.

Реми.

Сообщение ТАСС.

5-го июня с/г. японский посол в Москве **г-н Ота** направил Заместителю Народного Комиссара по Иностранным Делам **тов. Б. С. Стомонякову** ноту, в связи с ответным заявлением Генерального Консула СССР в Харбине **т. Славуцкого** Заместителю Дипломатического Агента в Харбине **г. Симамура,** по вопросу об инцидентах с манчжурскими пароходами на Амуре (см. сообщение ТАСС от 3-го с/м, опубликованное в «Известиях» («Правде») от 4-го с/мес.).

В этой ноте г-н Ота возражает против цитирования в упомянутом заявлении его слов, сказанных им в беседе с т. Стомоняковым от 22-го мая, что приближение парохода «Ди Чен» к советскому берегу было вызвано обстрелом парохода бандитами с манчжурского берега. В то же время, говоря о своей беседе с т. Стомоняковым от 22-го мая с/г., г-н Ота отмечает, что «действительно является фактом», что им в этой беседе был «приведен случай, что пароход Манчжоу Го был обстрелян с советской стороны в то время, когда этот пароход, желая спасти себя от нападения со стороны бандитов, удалился и находился вблизи советских водных пространств». Но г-н Ота указывает на то, что эти его слова не имели «никакого отношения к тем случаям смерти и ранения, которые, как это указывается подлежащими дипломатическими представителями Манчжоу Го, имели место вследствие обстрела с советской стороны». Г-н Ота считает неправильным использование части его беседы с т. Стомоняковым от 22-го мая и, выражая беспокойство «тем, что есть опасение ввести общественное мнение в неправильное представление», просит принять меры, отмечая, что он не возражает против опубликования его ноты.

В ответ на эту ноту Японского посла т. Стомоняков послал 10-го июня следующую ноту:

НОТА ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ Б. С. СТОМОНЯКОВА ЯПОНСКОМУ ПОСЛУ ОТА.

Господин Посол,

Я несколько удивлен содержанием Вашей ноты от 5 июня за № 112, полученной мной лишь 7 июня. Как это ясно видно из опубликованного в газетах от 4-го с/м. текста ответного заявления Генерального Консула СССР в Харбине на устный протест Заместителя Дипломатического Агента Манчжоу Го, в этом тексте не содержится никаких указаний, из которых можно было бы сделать заключение, будто Вам приписывается кем бы то ни было заявление или мнение, что в результате обстрела парохода «Ди Чен» с манчжурской стороны на нем были случаи смерти или ранения. В действительности, в ответном заявлении Генерального Консула СССР в Харбине ссылка на Ваши слова ограничивается исключительно лишь констатацией того, что, по Вашему сообщению мне 22 мая, приближение парохода «Ди Чен» к советскому берегу было вызвано обстрелом парохода бандитами с манчжурского берега. Поскольку в своей ноте от 5 июня Вы подтверждаете по существу это свое сообщение от 22 мая, —мне не совсем понятно, что именно Вы хотели бы исправить или опровергнуть из заявлений, содержащихся в ответе Генерального Консула СССР в Харбине Дипломатическому Агенту Манчжоу Го.

Что касается, наконец, Вашего недовольства самим фактом ссылки на Ваше заявление в инструкции, данной Народным Комиссариатом по Иностранным Делам Генеральному Консулу СССР в Харбине, то, не останавливаясь на содержащихся в Вашей ноте комментариях этой ссылки, я должен отметить, что наша беседа от 22 мая не носила частного или доверительного характера, и что, сообщая об инциденте с пароходом «Ди Чен», как одном из случаев существующего на Дальнем Востоке, по вашему мнению, тревожного положения, Вы не сделали никаких оговорок, которые с какой-либо точки зрения могли бы быть препятствием к цитированию Вашего сообщения, хотя бы и в заявлении, направленном третьей стороне.

Поскольку Вы, господин Посол, в своей ноте от 5-го июня высказываете недовольство цитированием отдельных Ваших слов из имевшей место между нами беседы 22-го мая с/г. в опубликованном в прессе заявлении, я позволю себе обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что основное содержание этой беседы было подробно опубликовано в токийских газетах, и при этом со ссылкой на сообщение представителя Министерства Иностранных Дел Японии. К тому же я с сожалением должен отметить, что изложение беседы от 22-го мая было дано в токийской прессе весьма неточно, а местами и совершенно неверно. При этом искажению подверглись не только тон моих заявлений и содержание некоторых из них, но и Вам были приписаны заявления, которых Вы не делали. Так, по утверждению газеты «Джапан Адвертайзер» от 26-го мая с/г., представитель Министерства Иностранных Дел заявил, будто бы в записке, врученной Вами мне 22-го мая, содержится заявление, что «отношение советских властей к консульствам в Хабаровске и Благовещенске является жестоким и нечестным». Мне не нужно говорить Вам, что это утверждение целиком выдумано, и что в записке нет ничего, что могло бы дать хоть малейшее основание или повод для подобного сообщения. Я надеюсь, что Вы согласитесь со мной, что подобное «информирование» японской общественности об имевших место дипломатических переговорах нельзя признать ни допустимым, ни содействующим поддержанию добрых отношений между нашими странами.

В виду того, что и в прошлом имело место опубликование в токийской прессе неверной информации о ведущихся между представителями наших стран дипломатических переговорах по разным вопросам, на что уже неоднократно обращал Ваше внимание мой предшественник г-н Сокольников, я пользуюсь этим случаем, чтобы вновь просить Вас, господин Посол, принять эффективные меры к прекращению подобной практики, столь очевидным образом наносящей вред отношениям между нашими странами.

Что касается, наконец, высказанного в Вашей ноте от 5-го июня пожелания о принятии мною мер к опубликованию опровержения или всей Вашей ноты, то, как это явствует из высказанных мной выше соображений, я не вижу об'екта для опровержения или цели такого опубликования. Тем не менее, если Вы и по получении настоящей ноты подтвердите мне Ваше пожелание, я, само собой разумеется, готов просить нашу прессу опубликовать Вашу ноту, — однако, конечно, в этом случае мне придется опубликовать также и мое настоящее ответное письмо.

Я пользуюсь настоящим случаем, чтобы вновь заверить Вас, господин Посол, в моем совершенном к Вам уважении.

* * *

После отправки этой ноты с японской стороны не поступало никакой просьбы об опубликовании в советской прессе ноты г-на посла Ота от 5-го июня. Однако, 11-го июня Японское Министерство Иностранных Дел опубликовало эту ноту в токийских газетах. Ответная нота т. Стомонякова в японской прессе не была опубликована, как не было сообщено и о самом факте получения японским послом такой ответной ноты.

С'ЕЗД ЗНАТНЫХ ЛЮДЕЙ.

РОСТОВ-ДОН, 17 июня. (Корр. «Правды»). Вчера закончил свою работу предуборочный с'езд знатных людей края.

Перед окончанием работ с'езда выступил секретарь крайкома партии тов. Шеболдаев.

С'езд принял обращение ко всем колхозникам Азово-Черноморья. В Центральном городском саду состоялась товарищеская встреча пролетариев Ростова с делегатами с'езда.

ПЛЕНУМ ЦК КП(б)У.

ХАРЬКОВ, 17 июня. (ТАСС). 13—14 июня состоялся пленум ЦК КП(б)У. Пленум обсудил вопросы о подготовке и проведении уборочной кампании нынешнего года.

Заслушана информация тов. Ярославского о ходе чистки харьковской парторганизации.

ПЕРЕЕЗД УКРАИНСКИХ НАРКОМАТОВ В КИЕВ.

КИЕВ, 17 июня. (Корр. «Правды»). Вчера в Киев переехали и приступили к работе Наркомфин УССР и Всеукраинское управление госкредита и сберкасс.

Сегодня в Киев переехал Народный комиссариат земледелия со всеми управлениями.

ОПЫТНЫЕ ПОСЕВЫ ЧУФЫ.

ТАШКЕНТ, 17 июня. (Корр. «Правды»). Бауман-Абадский субтропический пункт впервые в этом году провел опытные посевы новой масличной культуры — чуфы (земляного миндаля). Из этого растения добывается высококачественное масло, конкурирующее с маслом какао и идущее на приготовление тающих сортов шоколада. Из жмыха делаются миндальное пирожное и кофе.

Одесщина приступает к уборке.

ЦЮРУПИНСК, 17 июня. (ТАСС). Колхозы им. Ворошилова и «Победная волна» первыми в районе начали косьбу озимых. Через несколько дней ожидается начало массовой хлебоуборки.

Заготовка шелковичных коконов.

ТАШКЕНТ, 17 июня. (Корр. «Правды»). Одним из первых в Средней Азии Мервский район Туркмении выполнил план заготовки коконов. На пункты заводов сдано 41.159 кг (102 проц.). В прошлом году к этому времени было сдано только 9 тыс. кг. Вслед за Мервом выполнили план сдачи колхозники и единоличники Байрам-Алийского района (104 проц.). Находящийся на территории этого района шелкосовхоз дал 162 проц. Заготовки в обоих районах продолжаются.

Хорошо проходит заготовка коконов и в других районах республики. Заканчивают заготовку: Ашхабад, Геок-Тепе, Иолотань, Тахта-Базар, Чаршанга.

Первый рейс в США теплохода «Фридрих Энгельс».

ЛЕНИНГРАД, 17 июня. (Корр. «Правды»). Из Ленинградского торгового порта вышел в свой первый американский рейс советский теплоход «Фридрих Энгельс». Теплоход взял 4.572 тонны груза для Балтиморы, Нью-Йорка и Нью-Джерси. Капитан теплохода — старый, опытный моряк тов. Вимба.

23 июня в Ленинград ожидается прибытие из Нью-Орлеана советского теплохода «Комсомол», который доставит 1.700 тонн хлопка.

ВЫПЛАВКА МЕТАЛЛА ЗА 15 ИЮНЯ

(в тоннах).

	Чугун.	Сталь.
План.	30.150	28.000
Выплавлено.	28.952	26.984
% плана.	96,0	96,4

ГОТОВЫЙ ПРОКАТ ЗА 15 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Прокатано.	% плана.
20.015	18.784	93,8

ДОБЫЧА УГЛЯ ПО СОЮЗУ ЗА 14 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
269.036	252.106	93,7

ДОБЫЧА УГЛЯ В ДОНБАССЕ ЗА 15 ИЮНЯ

(в тоннах).

План.	Добыто.	% плана.
170.684	167.718	98,2

ДОБЫЧА ТОРФА ПО СОЮЗУ ЗА 15 ИЮНЯ

(в тоннах).

	План.	Добыто	% плана.
Сырец.	132.425	141.654	107,0

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

15 июня.

ДОРОГИ.	% выполнения плана погрузки	% обеспечения вагонами	% разгружен. вагонов к числу предназн. к разгрузке
Донецк (нач. т. Левченко)	91	109	77
Екатерининск. (т. Билик)	105	104	67
Казанская (т. Кучмин)	102	97	80
Курская (т. Карпенко)	110	103	73
Окружн. (т. Петриковский)	105	110	75
Северная (т. Амосов)	97	98	89
Ряз.-Урал. (т. Кавтарадзе)	99,5	106	81
Октябрьская (т. Синев)	105	103	79
Мурманская (т. Ледник)	114	102	97
М.-Бел. Балт. (т. Русанов)	104	103,5	80,5
Западная (т. Жуков)	94	100	91,5
Юго-Восточн. (т. Житков)	80	109	71,5
Сев.-Кавказ. (т. Лившиц)	93	103	85
Южная (т. Зорин)	111	97	78
Юго-Западная (т. Друскис)	87	105	91
Закавказ. (т. Розенцвейг)	94	108	86,5
Ср.-Азиат. (т. Прокофьев)	89	101	72
Турксиб (т. Корчагин)	104	128	60
Сам.-Злат. (т. Ковылкин)	83	103,5	91
Пермская (т. Миронов)	79	93	77
Южно-Урал. (т. Князев)	97	85,5	65
Омская (т. Базупин)	103	109	77
Томская (т. Дьяков)	96	110	84
Вост.-Сибир. (т. Голышев)	109	99	71
Забайкальск. (т. Осипов)	72	116	67
Уссурийск. (т. Лемберг)	83	103	65

ПО ВСЕЙ СЕТИ: погружено — 57.543 вагона, разгружено — 56.003 вагона, остаток неразгруженных — 17.291 вагон, план погрузки — 60.000 вагонов.

Вчера из Ленинграда в Москву приехали для встречи родные челюскинцев. На снимках: слева — родные и дети челюскинцев Буйко, Мосолова, Ломоносова и Паршинского, справа — жена с ребенком моториста «Челюскина» тов. Погосова.

Фото М. Бернштейна.

ПОЕЗД ИДЕТ.

(От специального корреспондента «Правды»).

Поезд идет, жаркий день. В окнах мелькают сибирские березы. Скоро Урал. Позади Камышлов и Тюмень. Вечереет. Но солнце все еще жжет. Оно встречает арктических героев со всем пылом своего накала.

Лежа на койках, снедаемые жарой, челюскинцы читают описание жизни и спасение лагеря Шмидта. Описания напечатаны в бесчисленных районных и окружных газетах.

Множество журналистов. Они щелкают фотоаппаратами, собирают интервью, воспоминания, заметки, дневники и записные книжки. Автобиографии и даже стихи.

— Восьмой раз пишу воспоминания,— говорит Водопьянов. — Заморился. Мозоль на пальце натер. Я же не писатель, честное слово.

Кто он, Водопьянов? Это — крестьянин, который еще в 1916 году пахал землю, косил, молотил. Женился, наконец, по всем правилам старинного сватовства с длительными смотринами, с торгом о приданом. Он крыл однажды соломой крышу сарая, когда услышал внезапный грохот. Летел самолет. Первый, который он видел в своей жизни. Кричали мальчишки, мычали коровы, голосили бабы. Самолет жужжал, самолет летел.

Через несколько дней, недокрыв сарай, Водопьянов ушел из дому, чтобы поглядеть вблизи невиданную машину. Странствия российского машинолюба! В тулупе, с палкой в руках по неведомым дорогам царской России. Он доплелся до аэродрома, увидел машину вблизи и умолил начальство взять его на работу в качестве подвозчика. Его взяли. Работа его заключалась в том, что он подвозил бензин на телеге. Но он жил тут, рядом с машиной, слышал ее гул, видел ее движения. Этого было достаточно. Он ездил теперь на своей телеге гордо и торжественно. Нацепил кокарду. Путешествовал в телеге, в тулупе и с кокардой. Потом счастье улыбнулось ему. Он купил сапоги.

Прошло много лет. И Водопьянов — летчик, широко известный своими полетами. Был вызван к Куйбышеву.

— Я пришел в Кремль, — рассказывает Водопьянов, — и Куйбышев, переговорив со мной, попросил зайти вечером. За это время он затребовал мою аттестацию. Точно не знаю, но примерно чувствую свой аттестат: летчик хороший, но без ограниченности в смелости, были аварии. Куйбышев долго расспрашивал меня о работе, прощупывал, так сказать, прежде чем командировать к челюскинцам. Долго обсуждали мы по карте мой маршрут. На следующий день я выехал в Хабаровск.

* * *

Повар «Челюскина» Зверев ходит в поезде в меховых сапогах. Это—единственный челюскинец, сохранивший среди жары и пыли свой арктический вид. О катастрофе рассказывает так:

— В момент несчастья я читал книгу. Вдруг слышу удар. Прибегают люди, кричат: «Дядя Шура, все—на лед!»

Начали мы выгружать кухню. Выгрузили котел для варки, два кухонных ножа, столовые ложки. Вскоре корабль потонул. Другой посуды спасти не пришлось. Погибли терки, мутовки, противни. На льду начали устраивать кухню. Поставили три палки, повесили котел и устроили кухню. На второй день выдали суп. Первый суп. Суп варился из одних консервов, плюс рис, плюс сушеный картофель. Это и ели. Вообще говоря, будь соответственные продукты, я бы мог и ромштексы, и беф-бризе, и пломбиры делать,—мне все равно, что на льду, что на суше, но продуктов таких не было.

— А что вы теперь, Александр Иванович, делать будете?

Приеду в Москву, оформлюсь, отдохну и опять в экспедицию с Ворониным Владимиром Ивановичем.

— А возьмет он вас?

— Меня, а то как же! У меня с ним от самой Камчатки договоренность. Я же— арктический повар. Раз договоренность есть, чему сомневаться?

* * *

Секретаря партийной организации челюскинцев представляют себе человеком закаленным в жизненных бурях, коренастым, крепким. В действительности это молодой человек, студент. Фамилия его Задоров.

Задоров тоже машинолюб, как Водопьянов, но он вырос в советское время. Ему не надо было пробивать себе грудью и лбом дорогу к машине. Он попросту подал заявление во втуз. Его приняли.

Он принялся изучать теорию паровой машины. Устройство корабля, судовой механизм. Студент. Таких множество в нашей стране. Летом он обычно отправлялся в практическое плавание. Одно из таких плаваний—плавание на «Челюскине». Он был машинистом. Его избрали секретарем партийной ячейки. И он стал секретарем удивительной ячейки: плавающей и путешествующей, заседавшей последовательно на корабле, на льдине, на Чукотке, на Камчатке, в купэ поезда. Это было труднейшее секретарство. Разнородный коллектив, соединивший в себе плотников, зимовщиков, водников, научных работников. Коллектив, потерпевший кораблекрушение. Выброшенный на лед. Дожидающийся спасения.

И этот машинист, этот втузовец, обыкновенный советский парень, каких десятки тысяч в стране, проявил необычайную энергию. Он был одним из тех, которых выковал коллектив челюскинцев. Вот Задоров перед нами. Рыжеватый, высокий, прекрасный пловец. Все плотники, повара, моряки и научные работники с огромным уважением говорят о нем. Так что же он— морской волк? Испытанный боец? Герой Жюля Верна и Стивенсона, великий мореход, открыватель стран, великий оратор? Нет, советский парень, студент, машинист Задоров, партиец.

* * *

Поезд идет. Люди, населяющие его, — обычные советские люди. Пройдут радостные дни встречи, и они возвратятся к обычным своим занятиям: к машинам, учебникам, метеорологическим приборам, к кинематографическим аппаратам. Но великое дело, завершенное ими, не будет забыто. «Да здравствует мужество!» — так было начертано на одной из станций.

Люди эти доказали силу советского мужества, силу удара, силу отбора.

— Я тоже буду героем, — сказал на одной станции колхозник-оратор, приветствовавший челюскинцев. — Каждый колхозник нашей страны, товарищи, хочет стать таким, как вы: и трактористы, и конюхи, и работники яслей. Мы будем такими, мы добьемся, честное слово, товарищи.

Так закончил этот оратор свою удивительную речь.

Е. ГАБРИЛОВИЧ.

Урал встречает героев.

СВЕРДЛОВСК, 17 июня. (Корр. «Правды»). Уральский пролетариат исключительно тепло встречает экспресс челюскинцев. Быстро несся состав с двумя паровозами по путям Пермской дороги между празднично украшенными станциями и полустанками.

Жаркий грозовой полдень. Поезд останавливается на станции Камышлов. К вагонам бросаются десятки людей. У них в руках подарки: цветы, крынки с медом, торты. Группа рабочих окружает бортмеханика самолета Доронина — тов. Савина. Они сильно взволнованы.

— Приехали!

Савин тоже взволнован. Он вскакивает на небольшую трибуну.

— Товарищи, — кричит Савин, покрывая шум тысячи голосов, — спасибо вам, слесарям и мастеровым депо, за выучку, которую вы мне дали 10 лет назад. Вы меня, товарищи, воспитали в своих мастерских.

Савину суют бумажку: «Герою Арктики Якову Георгиевичу Савину. Мы гордимся тем, что в нашей партийной организации имеем вашего брата Петра Георгиевича. Он работает бригадиром междупоездного ремонта. Его бригада на 134 проц. выполняет программу. В бригаде нет ни одного случая невыдачи паровозов под поезда и повторного ремонта. Вот краткая характеристика вашего брата. Партком депо — Комыслов, И. Мышкин».

* * *

... Поезд мчится дальше. Потом резко замедляет ход. Экспресс челюскинцев проходит между колонной красноармейцев, построившихся по сторонам пути. Мощное «ура» приветствует арктических героев. Появляется легкий самолет. Он кружит над нами. Сначала самолет летит рядом с той же 80-километровой скоростью поезда. Но затем вырывается вперед и идет бреющим полетом, взмывает в высь, виражирует и опять возвращается. Бортмеханик весело помахивает красным вымпелом...

Станция Богдановичи. Митинг. Красные ленты вымпела отрываются от самолета, вымпел, развеваясь, стремительно падает на вокзальную площадь. В кармашке вымпела записки, воздушные приветы.

В нашем вагоне гости. Делегация рабочих завода им. Кабакова. Они приехали сюда с севера Урала передать рабочий привет героям Арктики и героям-летчикам.

Скоро Свердловск.

Л. ХВАТ.

Готовьте смену старым полярным летчикам.

ТЮМЕНЬ, 17 июня. (Корр. «Правды»). На пути в Тюмень челюскинец, старый полярный летчик Бабушкин, послал комсомольцам и трудящейся молодежи Обско-Иртышской области следующую телеграмму:

«Вырванные волею пролетариата с дрейфующей льдины, мы возвращаемся в Москву. В суровой борьбе победила техника страны социализма.

Советские летчики показали непревзойденный класс работы. Но ряды советских летчиков пока еще малы, нужны новые кадры. Их должна дать молодежь. Через газету «Советский Север» обращаюсь к комсомольцам и трудящейся молодежи Обско-Иртышской области с призывом—овладевайте авиационной техникой, изучайте Север, готовьтесь стать на смену старым полярным летчикам. Привет трудящимся Обско-Иртышской области.

Полярный летчик БАБУШКИН».

„Чтобы им было хорошо и приятно“.

ТЮМЕНЬ, 17 июня. («Молния» спец. корр. «Правды»). Путь челюскинцев подходит к концу. Еще две ночи, и наш экспресс будет под Москвой. Новые дни приносят нам новые подтверждения того, насколько участь челюскинцев волновала трудящихся всей страны.

... Маленькая станция Чик в сибирской степи. Короткая остановка. Летучий митинг. Очень старая женщина подходит к проводнику.

— Как бы мне это сдать?—показывает на котомку.—Тут гостинцы им от нашего колхоза «Пламя революции». Может, из них больные есть, так тут молоко, булка.

Как ни обильно и вкусно кормят челюскинцев-летчиков в вагоне-ресторане, но эти скромные дары колхозников принимаются с особым удовольствием и чувством гордости. Почему-то вспоминается Петропавловск-на-Камчатке, ласковое внимание рабочих первого советского города, встречающего челюскинцев и пилотов.

Остро ощущается восторг страны перед героями, эти поднятые флаги, незатейливые плакаты, транспаранты, букеты пионеров, листовки, бюллетени, специальные выпуски газет и старания всех встречающих, сопровождающих поезд: «Чтобы им было хорошо и приятно...»

Л. ХВАТ.

Открылся всеукраинский с'езд советских писателей.

ХАРЬКОВ, 17 июня. (Корр. «Правды»). Сегодня в Доме Красной Армии открылся первый всеукраинский с'езд советских писателей. На с'езд прибыло около 200 делегатов от всех областей Украины и Мордовской республики. Среди гостей—представители партийных и советских организаций, фабрик и заводов. Зал переполнен.

С'езд открывает председатель оргкомитета советских писателей Украины тов. Кулик. В президиуме—тт. Стецкий, Н. Н. Попов, Демченко, Затонский, Килерог, Хвиля, Юдин, Кулик, Безыменский, Гарин, Параскева Димитрова и другие. Под бурные аплодисменты избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК КП(б)У и тт. Тельмана, Димитрова, Анри Барбюса и Максима Горького. Почетным председателем с'езда избирается Максим Горький.

Секретарь ЦК КП(б)У тов. Н. Н. Попов, приветствуя с'езд от имени ЦК, отмечает, что украинская советская литература последнего периода на основе постановления ЦК, развертывания борьбы с националистами и общих успехов социалистического строительства имеет значительные достижения. Однако их нельзя переоценивать. Наша литература—проза и поэзия—еще сильно отстает. Она может и обязана дать больше. Недостаточно высок и уровень литературной критики, не сумевшей своевременно вскрыть националистические контрреволюционные тенденции таких людей, как Хвилевый и Остап Вишня. До последнего времени не было марксистской критики и творчества Шевченко.

Призывая писателей к повышению творческой учебы и к большевистской борьбе со всеми чуждыми течениями, к борьбе с халтурой и зазнайством, тов. Попов выражает уверенность, что с'езд пройдет под знаком самокритики, вскроет все недостатки и поможет поднять украинскую литературу на более высокую ступень.

На трибуне—Параскева Димитрова. Она рассказывает, что видела при поездке по Советскому Союзу. Волнуясь, она приводит отдельные яркие факты и призывает писателей описать их в своих книгах, чтобы все рабочие Европы знали правду о Советском Союзе.

После приветствий с'езд заслушал доклад тов. Юдина о работе оргкомитета Союза писателей. Докладчик подчеркивает значение последней статьи Максима Горького. Об этой же статье говорят тт. Сейфуллина и Безыменский.

Наркомпрос Украины тов. Затонский подверг резкой критике недостатки украинской детской литературы.

В связи с тем, что всесоюзный с'езд писателей отложен, украинский с'езд в конце заседания принял решение провести свое очередное заседание в июле в новой столице Украины—Киеве.

ПОЛОВИНА МАРШРУТА ПРОЙДЕНА.

ОМСК, 17 июня. (Спец. корр. «Правды»). Командой военизированного велопробега пройдена половина пути по маршруту Москва—Омск—Москва. Покрыто расстояние 3.250 километров в 217 ходовых часов. Все машины исправны, пробег показал их высокое качество. Обувь практична, качество ее хорошее. Команда здорова, чувствует себя бодро, настроение прекрасное. 19 июня, в 8 часов утра, выходим на Петропавловск.

Командир велопробега ГОРШКОВ.

МАТЬ ГЕРОЯ О СВОЕМ СЫНЕ.

ИВАНОВО, 17 июня. (Роста). Мать Каманина рассказывает:

— 12-летним подростком остался мой сын Коля после смерти отца. Его воспитала наша советская трудовая школа. Учиться он начал после Октябрьской революции. В школе был дисциплинированным, в учебе успевал, когда подрос, вступил в комсомол. Весь отдавал себя учебе и работе в школе. Он организовал кружок Осоавиахима, вел большую общественную работу. В кругу товарищей пользовался большим уважением.

Окончив школу, Коля поехал в Ленинград и там поступил в школу летчиков. Наука ему давалась хорошо, в каждом письме он писал о своих успехах в учебе. Окончив эту школу, стал летчиком, а затем стал работать в авиации на Дальнем Востоке.

Зимой дочь Лида говорит мне:

— Мама, погиб пароход «Челюскин», люди остались на льду. Правительство посылает спасательную экспедицию.

В газетах пишут, что одно авиозвено отправилось под руководством Каманина. Уж не наш ли Николай полетел?

Через несколько дней узнала, что к челюскинцам полетел действительно мой сын. Большое удовлетворение я почувствовала и гордость, но нечего греха таить—беспокоилась. Особенно встревожилась, когда несколько дней не было никаких известий о местонахождении звена моего сына. Но, зная его смелость, я не сомневалась, что он выполнит ответственное задание правительства. Так оно и получилось. Коля вместе с другими летчиками спасли челюскинцев. Сейчас они едут в Москву, а затем он приедет ко мне, и я его встречу на новой квартире, которую дал мне горсовет. Я горжусь своим сыном, он заслужил звание героя Советского Союза. Орден Ленина украшает его грудь, грудь родного мне сына, которого воспитала и советская власть, за которую мой сын готов отдать всю свою жизнь.

ОТОВСЮДУ.

(От корреспондентов «Правды»).

Ягодно-плодовый питомник заложен в колхозе «Смычка», Аургазинского района (Башкирия) В питомнике будут расти яблони, клубника.

Средневолжский индустриальный институт в Самаре выпустил первую группу инженеров-электриков. 70 процентов окончивших — коммунисты.

Академическое издание произведений народных поэтов Белоруссии Янки Купала и Якуба Коласа готовит Институт литературы и искусства Белорусской академии наук.

Двухмесячные курсы по переподготовке и повышению квалификации инструкторов райкомов партии организовал Винницкий обком ВКП(б). На курсах занимается 57 человек.

Киносеанс на квартире лучшей ткачихи Федоровой организовал клуб «Текстильщик» в г. Калинине, Московской области. На узкопленочном аппарате демонстрировалась хроника первомайского парада.

ПОПРАВКА.

В моем очерке «Ячейка на льду» («Правда» № 156) вследствие исключительно спешной переписки на пароходе «Смоленск», имеется пропуск, значительно меняющий характеристику палатки штурманов.

В шестом столбце на тринадцатой строке после двоеточия фраза должна звучать так: «Палатка штурманов, где нет ни одного партийного товарища, что затрудняет связь с ячейкой, и палатка строителей».

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Культпроп Всесоюзного общества старых большевиков приглашает старых большевиков работавших в заграничных секциях в период империалистической войны, и тт., работавших в московской и ленинградской организациях в этот период, на совещание 19 июня 1934 г., в 6 ч. 30 м. вечера, в комн. 16 ВОСБ (Фокин пер., д. № 6).

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Справочное бюро (круглые сутки)	1.31-56
Отд. писем рабочих и колхозников	5.76-06
Партстроит.	5.57-34
Отд. транспорта и связи	5.81-01
Отд. тяжелой индустрии	4.16-28
Сельск. хозяйства	4.38-28
Отд. обзоров печати и библиогр.	3.04-76
Отд. информации	4.31-73
Иностр. отд.	3.38-29
Отд. товарооборот	5.60-31
Отд. советского строительства	5.76-06
Отд. легкой индустрии	5.46-70
Литерат. и искусство	4.06-00
Стол жалоб гор. и иногор. подп.	2.46-23
Отд. об'явл.	1.21-14

Москва, 9, ул. М. Горького, 48.

НОВЫЙ МИРОВОЙ РЕКОРД СОВЕТСКИХ МОДЕЛИСТОВ.

13 июня в Новосибирске пятнадцатилетний авиомоделист тов. Макаров запустил в воздух летающую схематическую модель самолета типа одномоторной «утки» (с резиновым мотором). Модель летела на высоте 150 метров, продержалась в воздухе 1 ч. 40 мин. и прошла расстояние свыше 4 тысяч метров. Это достижение является новым мировым рекордом советского авиомоделизма.

Прежний мировой рекорд принадлежал советскому же авиомоделисту тов. Карабаеву (Башкирия). Его модель в 1928 году продержалась в воздухе 49 мин. 59 сек. и пролетела 3 тыс. метров. У немецких авиомоделистов лучшее время по этому классу моделей—21 минута.

Начальник Управления военно-воздушных сил и член Реввоенсовета СССР тов. Алкснис, секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Косарев, председатель Центрального совета Осоавиахима, член Реввоенсовета СССР тов. Эйдеман и председатель Высшего совета физкультуры тов. Антипов послали тов. Макарову приветственную телеграмму:

— Горячо приветствуем юного друга обороны, — говорится в телеграмме, — установившего новый мировой рекорд в области авиомоделизма на продолжительность и дальность полета. Ваш успех является наглядной демонстрацией огромного значения, которое авиомодельный спорт приобретает в деле воспитания и выковывания будущих высококвалифицированных летчиков и инженеров воздушного флота. Не сомневаемся, что ваш успех вызовет среди пионеров и школьников новую волну активности в развитии подлинно массового авиомодельного спорта и для осуществления лозунга тов. Ворошилова: «Каждой школе, каждому пионер-отряду — кружок авиомоделистов».

* * *

В беседе с сотрудником «Правды» тов. Р. П. Эйдеман заявил:

— У нас нет еще точных данных о том, в каких условиях был произведен тов. Макаровым пуск его модели. Надо думать, что это является результатом подготовительной работы, которая развертывается среди юных авиостроителей в связи с предстоящим пятым всесоюзным авиомодельным слетом в Москве.

Авиомоделизм широко внедряется в нашу школу. Его успех в значительной мере об'ясняется тем, что за авиомоделизм понастоящему берутся лучшие, передовые педагогические кадры. В этом году через лагери Осоавиахима будет пропущено около 70 тыс. учителей начальной и средней школы. В программе их занятий предусмотрено и изучение авиомоделизма. Знания, которые педагоги приобретут в лагерях, позволят им принять еще более активное участие в руководстве деятельностью юных авиостроителей.

Авиомоделизм — это увлекательнейшая форма детского спорта. Моделисты не случайно являются и лучшими ударниками учебы. Работа над моделью, требующая точных расчетов, неизмеримо повышает интерес к математике, физике, к природе вообще. Словом, авиомоделизм в полном смысле этого слова — надежнейший союзник каждого передового учителя, понастоящему борющегося за высокое качество учебы и воспитательной работы нашей советской школы.

В этом году значительное развитие авиомоделизм получает в пионерских лагерях, где юные энтузиасты воздушной техники на практике будут испытывать летающие модели своих конструкций. В программу подготовки и переподготовки вожатых к лагерным сборам были включены и часы по авиомоделизму. Центральный совет Осоавиахима снабдил пионерские лагери «уголками юных друзей Осоавиахима», где значительное место отведено авиомоделизму.

Понятие «авиомоделизм» охватывает отнюдь не одни только модели самолетов, — сюда же входят модели планеров, дирижаблей, автожиров, геликоптеров, орникоптеров, монгольфьеры, воздушные змеи и т. д. Юный авиостроитель — будущий пилот, конструктор, прошедший через моделизм, получит прекрасную подготовку, которая позволит ему быстро и глубоко усвоить сложнейшие проблемы воздушной техники. Авиомоделизм—надежная ступень к большой авиации.

Уполномоч. Главлита № В—89483. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Издат. № 516.